

СЕРГЕЙ ВЕНЕДОВ

ИГРА

БИРЮЛЬКИ

Сергей И. Венедов

Игра в бирюльки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41998663
Игра в бирюльки: У Никитских ворот; Москва; 2019
ISBN 978-5-00095-682-3

Аннотация

Дебютный роман Сергея Венедова, без сомнения, придется по вкусу даже самому искушенному читателю. Здесь нашлось место и любви, и приключениям, и ироничной саморефлексии, и подлинному знанию жизни. Главный герой, молодой дипломат, из предперестроечной, но все еще полностью советской Москвы попадает в свободолобивую Францию. Казалось бы – живи и наслаждайся. Однако постоянная оглядка на незримые органы безопасности в довесок к штампу в паспорте не способствуют счастью. И даже когда на родине всюю загремела Перестройка, герой не торопится «останавливать мгновение».

«Чудак и мерзляк Кранцев», умело приспосабливаясь и к режиму, и к женщинам, и к трудностям брака, ищет в жизни прежде всего нежность. И роман Сергея Венедова – во многом о нежности, которой полна каждая душа, пережившая детство, отрочество, юность, взросление, зрелость.

Содержание

Рукопись, достойная внимания	5
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Сергей Венедов

Игра в бирюльки

© Венедов С. И., 2019

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2019

*** * ***

Рукопись, достойная внимания

В редакцию «Консула» поступила рукопись, автором которой является дипломат, профессиональный и жизненный опыт которого вызывает доверие. Не так давно в Питере была издана книга его очерков «Следы на снегу», привлекая читателей точностью оценок международных событий и искренностью личных наблюдений.

Родившись на Украине, Сергей Венедов исколесил с семьей военного юриста весь Союз и закончил школу в Казахстане. Получив диплом МГИМО, 25 лет отработал в системе МИДа на европейском направлении, а в годы перестройки возглавлял новый отдел по правам человека и участвовал во всех переговорах на эту тему в рамках ООН. Потом много лет служил переговорщиком в системе международных гуманитарных организаций, в том числе в группе советников в Защитных силах ООН в бывшей Югославии и в руководстве представительств Международной организации по миграции в Москве и в Париже. Но, в конце концов, верх взяло настоящее призвание – работать со словом. Сначала несколько переводов беллетристики с румынского и французского, защита диссертации о культурной политике Франции, три монографии и десятки журнальных статей на эту тему. Параллельно работа переводчиком-фрилансером в Лингвистической службе ООН в Женеве, а под зана-

вес – несколько лет работы в блогосфере, породившие сборник «Следы на снегу».

И вот, наконец, 250-страничная рукопись романа под условным названием «Мерзляк» о непростом житье-бытье советских и российских дипломатов в Европе на исходе перестройки. Это книга размышлений, в которой нет ни одной придуманной страницы, а «голая» правда, иногда режущая слух, вперемешку с горечью разочарований, потерь, но и с радостями жизни.

Роман можно назвать «интимистским», потому что его герой, или, скорее, антигерой – бесконечно колеблющийся, еще не старый человек, стремящийся найти свое место под солнцем, но не покривить при этом душой, и не предать никого – ни родину, на службу, ни семью.

С этой рукописью ознакомился авторитетный российский литератор Лев Аннинский, который отметил литературную выучку автора и оценил откровенность, эмоции и иронию. Он считает, что некоторые аспекты высвечены и прозвучали очень выразительно и актуально, например, поведение исламских иммигрантов в пригласившей их наивной Европе. Интересны критику и отношения героя с Системой: когда надо «притворяться, но не предавать, бежать от реальности, фантазировать, мысленно эмигрировать, но не вступать в борьбу». То есть «хамелеонить по отношению к режиму», получая за это возможность рассуждать «о французской кухне, об омарах, улитках, лягушачьих лапках и, конечно же, о

вине – какое с чем пить». Итоговое заключение маститого критика выглядело следующим образом: «*Исповедь Артёма Васильевича Кранцева читается достаточно легко и насыщена вдоволь такими вкусными подробностями, как жизнь условиях скрытой «опеки» соотечественников, выезжавших за советский рубеж, или его мучения в ситуации неслыханной свободы эротических грёз. Можно печатать в журнале, а ещё лучше – издать книжечкой. Так что, в добрый час!*»

Журнал «Консул», № 3 (49) 2017

Посвящается моим родным и близким

*...Ваня, Ваня, Ваня, Ваня,
мы с тобой в Париже
Нужны – как в бане
пассатижи...*

Из песни В. Высоцкого

Часть первая

Хождение посолонь

Начало сентября. Жарко, потому что аэропорт Мариньян находится далеко от Марселя и дыхание Средиземного моря сюда почти не долетает. Зато над головой сверкает синее-синее небо Прованса. На ум приходит старая эмигрантская песня: «Вас ждет Париж и модные салоны, меня же ждет гражданская война, придется мне повоевать с Буденным, а вас уже несет в Марсель волна». В данном случае не морская, а воздушная. И речь, конечно же, совсем не об эмиграции. В 14 часов пополудни на бетон марсельского аэропорта ступил новыми ботинками новый секретарь советского генконсульства Артем Васильевич Кранцев 35 лет отроду.

Спрашивается, стоило ли пижонить, надевать в поездку новую обувь, если она теперь страшно жмет, а не сбросишь, не пойдешь же босиком.

По-кавказски смуглый пограничник вяло, но внимательно перелистывает зеленую книжечку дипломатического паспорта. Здесь это пока еще диковинка. Пропуск в капиталистический рай за три года до перестройки. Паспорт возвращается к владельцу. Можно двигаться дальше, то есть реально проникнуть в прекрасную Францию. Мушкетеры там, кардинал Ришелье, осада Ла-Рошеля, граф Монте-Кри-

сто, собор Парижской Богоматери, площадь Пигаль, шампанское, куртизанки, бистро, высокая мода и все такое прочее. Первый приезд на Запад. Легальный. От этого просто захватывает дух и немного кружится голова.

На французской территории ничто особо не удивляет. Чисто. Красиво, как в фильмах Клода Лелуша. От жары чуть плавится асфальт. На фоне лазурного неба под палящим солнцем ярко белеет крупный разогретый гравий дорожек. Приезжего встречает с надписью в руках тучный водитель генконсульства. Простое деревенское, русское лицо. «Меня все кличут Михалычем», – доверительно и на всякий случай несколько подобострастно сообщает он, широко улыбаясь. Еще бы, прибыло небольшое, но все же начальство. Новый вице-консул. Надо быть начеку. Водителю невдомек, что сердце вновь прибывшего уже гложет первая щемящая тревога: как тут все сложится, в капраю-то?

Вокруг звучит иностранный язык, и не какой-нибудь франко-креольский, как во время его давней стажировки на экваториальном острове, а настоящий французский, хоть и немного искаженный местным, комичным южным акцентом без характерного грассирующего «р», еще недоступным новичку, прибывшему из страны холодов и медведей. Откуда-то негромко доносится уже знакомая местная мелодия: «Рандеву в раю – будьте осторожны: это ловушка». Что ж, по крайней мере, это ближе к истине... Но главное, что мы прибыли во Францию, а там будет видно. Вспомним испол-

ненные мудрости слова генсека Брежнева: «Мы приехали в Париж... и это приятно». В Марсель прибыть не менее приятно.

На микроавтобусе генконсульства заветные дипномера, начинающиеся с числа 115, тоже зеленого цвета, как и диппаспорт, как незнакомый кустарник напротив или как доллар – символ абсолютной свободы и благополучия. Прямо-таки жизнь в зеленом цвете. Кряхтя и потея, шофер привычно, сноровисто укладывает в машину незатейливый багаж дипломата – потертый дерматиновый чемодан и две большие картонные коробки со скарбом на первое время – неизбежные спутники любого советского заграникомандировочного. Кастрюльки, уложенные рачительной женой, напоминают о себе, погромыхивая жестью. «Предупреждал ведь Светлану, что будет греметь, стыдоба, неудобно, но действительно, не бежать же сразу в магазин и тратить ценную валюту на кухонную утварь». Первая заповедь советских людей за границей – жестокая экономия валюты. Родина ее выдает негусто, а купить надо все. Иначе зачем ехать за рубеж.

В машине чертово пекло, но, когда она трогается, встречный ветерок через открытое окошко приятно обдувает вспотевшее лицо и освежает мысли. «Через полчаса я увижу Средиземное море, – думает Кранцев и улыбается про себя. – Все остальное – фигня». Банальный перезвон кастрюлек явно контрастирует с кинематографическим пейзажем вокруг. Кранцев еще не подсчитал, сколько денег удастся отклады-

вать в месяц на все про все, но радостно сознает, что, в любом случае, теперь он будет сказочно богат, если сравнить с его мизерной зарплатой в родном министерстве. Родина осчастливленных рабочих и служащих наконец-то доверила своему верному сыну представлять ее на ответственном участке капиталистического окружения, причем за приличную плату, хотя и несравненно меньшую, чем зарплата французского рабочего.

«Внимание, господа хорошие, представление начинается... Подходите за билетами, хватит на всех!»

* * *

Ну, конечно же, прежде чем пуститься в путь, ведущий к шестиугольнику под названием Франция, Артем Кранцев *обязан* был пройти через посещение одного из кабинетов, затерявшихся на бесчисленных этажах помпезной высотки Министерства иностранных дел, МИДа – для посвященных, как бы возринувшей из тенет на краю Смоленской площади, если не в самом сердце, то где-то в предсердии Москвы. Система не допускала отклонений от правил игры, иначе и быть не могло. Его личное дело еще не было окончательно оформлено для выезда, еще не были собраны все нужные подписи, как его снова *вызвали*. Но если на этот раз этаж ему был незнаком – четырнадцатый, то облик обитателя кабинета вроде бы напоминал лица многих других непри-

метных сотрудников ведомства, притаившихся в многочисленных других неприметных кабинетах режима. Внутри находился молодежавый, подтянутый человек спортивного, если угодно, вполне элегантного вида.

– Добро пожаловать, Артем Васильевич, – живо и с широкой улыбкой приветствовал он вошедшего Кранцева. – Давненько мы с вами не виделись...

Вошедший сразу напрягся и подтянулся: он мог поклясться, что никогда раньше не встречался с этим любезным господином, то есть гражданином, то есть товарищем, но сразу уловил обобщающий смысл местоимения «мы». Что должно было означать «они».

– Итак, собираете чемоданы во Францию... Прекрасная страна...

Кранцев ограничился кивком – в любом случае, «им» было виднее.

– Ах, Париж, что за город! – продолжал между тем спортивный человек. – Праздник, который всегда с тобой... Прав был старик Хемингуэй... Как говорят в Одессе, покажите мне того, кто не хочет съездить в Париж, и я его зауважаю...

Кранцев решил не уточнять, что пока он намеревался выехать хотя бы в Марсель, если даст боженька, но спортивный человек перевел дух и понесся вперед во весь опор с иронической улыбкой в правом уголке рта.

– Хотя даже в Париже все не так просто... Я бы сказал, неоднозначно...

Ну, на этот счет у Кранцева не было никаких сомнений. – Не только во Франции, но на Западе в целом... В капстранах... В том смысле, что надо все время быть начеку... Ну вы-то должны это знать, ведь бывали в тропиках...

Точно такое же предостережение Кранцев действительно слышал когда-то на тропическом острове от консула Реутова, правда, относительно третьего мира. Но все равно он согласно кивнул.

– Тропики – красота! Рай на земле... Особенно для женатого человека... Идеальное место для того, чтобы расслабиться, немного забыться, влюбиться, например, в прекрасную, зрелую женщину, диковатую, но доступную, в романтическом белом халате доктора... Это легко можно понять... Другая широта, другой мир... более дружественный... На Западе все по-иному... Там друзей нет, по крайней мере для нас, советских... Иной климат, в том числе политический... Холодная война... за превосходство на планете... В общем и вкратце так как-то...

Кранцев, который уже угадывал продолжение, не поверил своим ушам, слушая этот поток банальностей, как будто нарочно взятых со страниц газеты «Правда». Неужели сидевший перед ним человек, так хорошо знающий его прошлое, принимал его за идиота или просто хотел проверить реакцию собеседника на трюизмы? Спортивный человек, казалось, прочитал его мысли, и развернул коней:

– Короче, пребывание во Франции потребует от вас, как

от любого советского человека, дополнительной выдержки, повышенной бдительности и, я не боюсь повторить, удвоенной осторожности. Секретные службы противника не дремлют, они нуждаются в каждом из нас: одного – для вербовки, другого – для провокации. Ваша задача, по крайней мере я на это надеюсь, не стать мишенью ни для первой, ни для второй цели. И помочь нам предотвратить подобные инциденты с другими советскими людьми – вашими друзьями, коллегами... Конечно, если вы не чувствуете себя достаточно зрелым и достаточно сильным для правильных действий в подобных ситуациях, мы можем пересмотреть решение о вашем назначении в капиталистическую страну... Там не все так просто, как многие полагают...

От абсолютной ясности этой речи у Кранцева на лбу выступил холодный пот. Ум его лихорадочно искал выход из раскрывшейся западни. Кровь больше не поступала в сердце и замедлила свой бег в артериях и венах, а может быть, и в капиллярах. Мальчик Тёма понял, что бульдозер сейчас раздавит его, но желание увидеть Париж... и не умереть было гораздо сильнее.

«А вы, дорогие товарищи, дамы-господа, разве не мечтали посетить город-светоч?»

– Я облегчу ваше замешательство...

На лице человека-призрака опять изобразилось подобие ироничной улыбки.

– Вы согласны, что каждый советский человек, особен-

но коммунист и тем более дипломат, за рубежом... прежде всего и в первую очередь – патриот? Предотвратить любой ущерб, который может быть нанесен интересам его родины, – это его священный долг, не так ли?

Спорить с этой *железобетонной* логикой было невозможно, и Кранцев, поиграв влажными и обмякшими ладонями, снова машинально кивнул в знак согласия. Он был бы рад дать свое добровольное согласие со сказанным, если бы речь шла о третьем лице.

– Ну, значит, все в порядке, – его собеседник был явно доволен тем, что удалось избежать осложнений. – В этом случае, как и в каждом серьезном деле, полагается оформить нашу договоренность... Так сказать, *entente cordiale*, как говорят французы.

С изумлением и оторопью, как на змею, Кранцев смотрел на желтоватый листок, который, выпорхнув из рук человека, сидевшего напротив, двигался в его направлении. Он понимал, что неизбежное должно произойти, ловушка захлопнется, и не видел никакого выхода. Это его национальный приз за бег к Парижу. Его влажные пальцы, чуть дрожа, ухватили липучий листок. Казалось, он не различает стоящих на нем ключевых слов: «добровольно... обязуюсь... сотрудничать... в случае...», – как если бы это было написано египетскими иероглифами. Но слова были на русском языке. И Кранцев чувствовал себя загнанным в угол, как девочка, парализованная страхом в темном лесу, оказавшаяся в ла-

пах здорового мужика, который раздвигает ей ноги, – без сопротивления, без крика и без согласия. Только тишина, ненависть и ужас.

– Чтобы подписывать ваши сообщения, вам надо выбрать псевдоним, – продолжал между тем барабанить его собеседник металлическим тоном робота.

В последнем порыве обратить в шутку происходящее Кранцев оживился:

– Я хочу быть Д, как Давид... «Или как дурак, демон, debil и пр...» – подумал он, прекрасно сознавая, кто будет Голиафом. – Или С, как Самуэль. А сам думал «скотина, собака...», лихорадочно подыскивая предлог, чтобы отказаться в последний момент.

– Ну что ж, почему бы и нет. На самом деле Давид подойдет: что-то немного еврейское, но так даже лучше... Годится! – наконец не без облегчения согласился человек, сидевший напротив.

Вот так прозаично могучий щит Родины пополнился еще одной маленькой заклепочкой, так, на всякий случай. А несметная армия стукачей и сексотов – еще одной единичкой, для галочки. Отдавая подписанный формуляр своему вербовщику – тюремщику, насильнику или искусителю, поди узнай, – Кранцев почувствовал, как его маленькая жизнь раскололась надвое: до и после посещения неприметного кабинета. Ему захотелось взвять, броситься на собеседника, вырвать бумагу, сунуть в рот и глотать по кусочкам, как по-

ступали в кино арестованные нацистами партизаны и разведчики... Но, как всегда, сдержался. Разумеется, из соображений приличия. В любом случае, реагировать было поздно: желтоватая бумажка-птичка, унося его подпись, уже вспорхнула, чтобы юркнуть в голубенькую пластиковую папочку и тихо приземлиться в ящик стола, за которым восседал господин из «потустороннего мира». Оставалось только надеяться на выживание, как астронавт, с опаской ступающий на поверхность неизведанной планеты, лишенной кислорода...

От видения пейзажа планеты Кранцев невольно съежился.

* * *

Приезд пришелся на воскресенье, поэтому в генконсульстве ни души. Ни тебе комитета для встречи, ни цветов, ни оваций, ни фанфар по случаю приезда нового вице-консула. «Тем лучше», – мысли Кранцева уже перенеслись на берег моря, раскинувшегося посреди земли, – невиданного доселе, манящего и наверняка прекрасного. Его тело последовало за мыслями сразу же после трех стопок водки «с прибытием!», любезно проставленных, несмотря на жару, Михалычем, в соответствии с законами русского гостеприимства. Через приоткрытую дверь скромного жилища водителя Кранцев уже присмотрел хрупкий женский силуэт, представившийся как стенографистка Рита – девушка худень-

кая, неказистая лицом, но гибкая станом и с бойким, многозначительным взглядом исподлобья. Неожиданная просьба Кранцева показать ему дорогу к морю, похоже, застала барышню врасплох, но заметно воодушевила.

Спустя десять минут они уже шагали в направлении городского пляжа Прадо. Кранцев полусознательно задавал какие-то вопросы, не слушая ответов своей легко обретенной спутницы, в которой он в общем-то и не нуждался: как дипломат, он, в отличие от техсотрудницы, имел право гулять один, и поэтому ей повезло больше. Позвать ее с собой повелел не столько мужской, сколько человеческий инстинкт – на самом деле до девушек ли было сейчас? Но бледное лицо Риты вызвало у Кранцева внезапный прилив жалости и любопытства: небось, зачахла тут, незамужняя, в генконсульстве, которое нельзя покидать одной и где половина сотрудников мужского пола шарахается от тебя как от чумы, чтобы не быть заподозренным начальством или женой в недозволенной связи, а другая, более «резвая» половина, наоборот, клеится по-черному при каждом удобном случае, угрожая «отыграться» в случае отказа. А это означает непродление командировки, скорое возвращение домой, в развитой социализм, к больной маме и неизвестность следующего выезда в какую-нибудь дыру. А ведь хочется не столько совокупляться с кем попало, сколько просто иметь возможность свободно побродить по зеленым улочкам зажиточного восьмого аррондисмана, дойти до пляжа, расположиться, и – почему бы

нет? – снять лифчик, как это легко и прелестно делают француженки, для купания топлес в теплом море и плавать-плавать до одури, пока не надоест. А вместо этого приходится бесконечно торчать в душной, уродской спецкомнате генконсульства, слушать скабрёзные шуточки офицера по безопасности, а в промежутке между печатанием дурацких донесений и справок и возвращением в свою тесную каморку с маленьким окном выскакивать на лужайку, окруженную высоченным, плотным забором, чтобы остервенело затянуться очередной сигаретой. Нет уж, ей-богу, Кранцев не имел никаких видов на бледную девушку, унылую, как опавший лист. Пусть хотя бы прогуляется.

Море, такое желанное и всего сутки назад недостижимое, внезапно приблизилось и дало о себе знать неповторимым запахом водорослей, соли, рыбы и всего прочего, что с ним ассоциировалось, включая сильные порывы ветра, но пока еще не мистралья. Ветер гнал волны, очень похожие на волны родного Черного моря. Но штука была в том, что это было не Черное море, во всяком случае, оно не пахло канализацией, как в Сочи или в Ялте, в стороне от престижных и для всех закрытых санаториев Четвертого управления, на участках моря, куда выбрасывается сток, над которыми обычно взволнованно кружатся и пронзительно кричат чайки. В палатке на пляже пиво тоже, как ни странно, оказалось охлажденным, а кофе горячим, а не наоборот, как где-нибудь в Новороссийске или Анапе.

Кранцев даже вздрогнул от столь непатриотичных мыслей, посетивших его в первый день приезда на Запад, и бросил на притихшую Риту ободряющий, несексапильный взгляд. «Мол, не горюй, дивчина, не тужи, в Марселе ведь находимся, блин!» Та, похоже, молчала в основном из-за того, что не верила своей случайной оказии вслушаться в шум прибоя и подышать вольным воздухом в обществе нестарого, симпатичного и, слава тебе господи, неприставучего мужчины, который бескорыстно или из милосердия даровал ей просто так этот короткий и необходимый миг свободы. У моря дышалось так легко и так всего хотелось. В общем-то, новый вице-консул тоже был не совсем во вкусе Риты, в смысле переспать – недостаточно мужественен, да и женат. С женатыми толка не жди, одни хлопоты. Так, бесполезный перепихон, с неизбежным скандалом в тесном и зловредном коллективе генконсульских жен. А ей хотелось просто любоваться морем, в обществе кого угодно, лишь бы тому было разрешено гулять без сопровождения.

Еще через пять минут вице-консул Артем Кранцев надкусил свой первый французский бутерброд – отрез хрустящего длинного батона с маслом и ветчиной, жестом пригласив девушку разделить с ним трапезу, разумеется, за его счет, не жлоб же он какой-то. Хлеб по-французски именовался «багет», а бутерброд – «сандвич», и Кранцеву сначала стало смешно: неужели нельзя было найти своего слова, а потом вспомнил, что по-русски это тоже взято из немецкого. Черт

с ним, какая разница, главное – страшно разыгрался аппетит. Сказывались и три стопки Михалыча на жаре, усиливая ощущение буйной радости. Кранцев чувствовал себя неизмеримо богатым с 2000 франков в кармане, законно изъятыми в качестве подъемных в кассе загранслужбы министерства. На эту сумму можно было купить целых 200 бутербродов с ветчиной. Казалось, Марсель заговорщицки подмигивает обалдевшему от счастья молодому советскому дипломату. Но несмотря на съеденный бутерброд, Артем продолжал чувствовать такой голод и такую жажду... жить, что способен был выхлебать до дна плескавшееся у его ног море вместе с рыбами. Кстати, он уже загодя прочитал в справочнике, что для приготовления знаменитой марсельской ухи, буйабеса, используется среди прочих местная рыба по имени «gascasse». Каково?

Рита быстро поглощала свой бутерброд, запивая его и по-детски хлюпая кока-колой, и, проглотив последний кусок, наградила Кранцева неуклюжей улыбкой в знак благодарности. Она по-прежнему ловила себя на том, что выше всех благ и всех бесплатных бутербродов на свете и даже вместо ласк этого малознакомого, приятного мужчины все же предпочла бы просто остаться еще на год на работе в генконсульстве, чтобы дособирать валюту на покупку желанной двухкомнатной квартиры вместо однокомнатной, где они ютились с больной мамой.

Дожевав свой бутерброд, Кранцев жадно вдыхал морской

воздух. Но вкус обретенной свободы все же горчил... За несколько дней до предполагаемого отъезда в Марсель их с женой вызвали в ЦК партии, где их встретил маленький человечек, которому полагалось принять у них на хранение партийные билеты и провести разъяснительную беседу «для выезжающих на Запад». Но прежде чем начать разговор, человечек тщательно проверил, уплачены ли взносы за все месяцы, и только потом торжественно объявил, что их шестилетней дочери Аннушке, увы, не придется проследовать с родителями в замечательный город Марсель, потому как, в соответствии с советскими законами, а они для всех равны, девочка *обязана* начать учебу в первом классе, а это, сами понимаете, дело государственной важности, и поделаться здесь ничего невозможно, т. к. при генконсульстве в Марселе нет советской школы. Вот если бы речь шла о Париже, там полномерная средняя школа. На прощание человечек вежливо, но твердо улыбнулся. «Советские законы одинаковы для всех», – на всякий случай еще раз напомнил он. Ну и что же было делать? Отказаться от поездки? Вот уж дудки. В результате от поездки отказалась жена Светлана, которая предпочла остаться с маленькой дочерью. И Кранцев уехал один.

* * *

Понедельник, первый рабочий день в отделе виз, промелькнул как короткометражный фильм. Снаружи, за ре-

шетками консульства, все выглядело таким необычным, манящим и оказалось таким знакомым внутри – от косых, настороженных взглядов сослуживцев, разложенных в прихожей газет, восхваляющих прозорливое и мудрое руководство партии и лично горячо любимого товарища Брежнева, до безликих, замшелых кабинетов и приемной, лишенной всякой индивидуальности. В качестве вице-консула и секретаря генконсульства Кранцев был единственным дипломатом, кроме генконсула, которому вменялось жить на территории созагранучреждения – на случай, если... – наряду с техперсоналом, завхозом, водителем и машинисткой, под присмотром трех постоянных дежурных, отчаянных лентяев, судя по всему, пристроенных в загранку высокими московскими покровителями. Пять других дипломатов имели право жить в городе со своими семьями, чтобы сохранять «свободу действий». Двухкомнатная квартирка на втором этаже флигеля показалась Кранцеву маленькой, убогой, но утешало большое окно с видом на зелено-бежевые холмы, лазурное небо и даже бирюзовый кусочек моря. Служебный автомобиль – выдавший виды «Пежо 308» – ему предстояло делить со своим помощником, атташе Сизовым, с виду довольно скользким субъектом.

Сладкий вкус свободы превратился в кисло-сладкий, когда Кранцев узнал, что кроме выдачи виз в его дополнительные обязанности входят вопросы безопасности, т. е. официальные контакты с соответствующими местными службами.

«Видимо, никуда от них не деться, ни в какой стране», – с горечью подумал он. Это распределение обязанностей было вызвано брешью, образовавшейся в результате недавней высылки двух славных «дипломатических» сотрудников консульства, прихваченных с поличным в момент деятельности, «несовместимой со статусом дипломата». Очередная провокация французских спецслужб, пояснил генконсул. Но местная пресса разразилась шумным негодованием в адрес «шпионского гнезда», которым отныне именовался симпатичный особняк генконсульства СССР.

Под обстрел, в качестве «резидента КГБ», с расчетом или по ошибке, попал прежде всего сам генконсул Бальян, папаша которого честно партизанил в рядах французских маки во время войны с фашистами, а сам Генрих Ашотович был верным и «чистым» мидовским франкофилом. Несколько лет тому назад французские власти сами предложили открыть генконсульство СССР в Марселе в обмен на открытие французского генконсульства в Ленинграде, но в вольнодумной и свободолюбивой Франции это решение встретило ожесточенный отпор части политической элиты и всего общества, недовольного размещением советского учреждения в «красном» Провансе и в непосредственной близости от полигона родного тактического ядерного оружия – плато Альбион. Однако политические резоны «нерушимой дружбы и сотрудничества» между двумя странами, как всегда, перевесили соображения безопасности, что не помешало мэ-

ру Марселя и по совместительству министру внутренних дел социалистического правительства Гюставу Деррену держать совгенконсульство под бдительным надзором. Короче, Кранцев хоть и понимал, что его подставляют, но возразить начальству, разумеется, не мог.

Его опасения начали незамедлительно подтверждаться, когда через пару дней с визитом к нему явился симпатичный, коренастый и загорелый господин с усиками на манер Эркюля Пуаро.

– Андре Такис, – представился он со вполне дружелюбной улыбкой, – полковник ДСТ (французская контрразведка в те годы), мне поручено курировать ваше генконсульство на предмет обеспечения безопасности, если возникнет такая необходимость...

Усы визитера смешно шевелились, а глаза пронзали Кранцева, пытаясь определить, профессионал перед ним или так, какой-нибудь залетный простачок... КГБ или ГРУ? Если он сам был опытным профессионалом, то ответ мог бы без труда прочитать в потухшем взоре вице-консула, не говоря о всем его печальном образе приговоренного к пожизненному заключению. Кранцеву, конечно, было невдомек, что отнюдь не его унылый вид даст ответ доблестному представителю французских спецслужб, а его последующие стиль жизни и действия на территории страны пребывания. Если бы он знал это, то избежал бы нахлынувшего изнурительного и напрасного страха быть «подозреваемым». Страха, появившегося

в далеком детстве в темноте, особенно когда с работы долго не приходила мама, и теперь способного отравить все пребывание Темы на уютном с виду Западе.

* * *

Застой в СССР был в самом разгаре, команда старых ма-разматиков продолжала держать обескураженный народ в узде. Диссидентов давили, сажали в лагеря, психушки или, кому повезло, высылали за границу. Еще нестарый Кранцев был всего лишь ничтожной песчинкой в круговерти времен. И ему не оставалось ничего другого, как осмотрительно вести свой маленький кораблик вперед, полагаясь на интуицию и здравый смысл, между скал, через грозные бури и буруны Системы. Бойцом он, конечно, себя не ощущал, но и душу дьяволу продавать не собирался. Хотелось просто засыпать и просыпаться со спокойной совестью, чтобы без тревоги смотреть в глаза своей маленькой дочуре. Не много ли захотел?

Генрих Бальян, генконсул, уже паковал чемоданы и выглядел окончательно подавленным всей этой историей под конец своей миссии в дорогой его сердцу Франции. Он крепко запомнил, как после героических дней в маки его папаша Ашот, навсегда унося в душе любовь к стране галлов, вернулся на историческую родину, где в порядке вещей, для профилактики, со всеми своими иностранными наградами

был отправлен на десять лет в заповедные сибирские края как *французский шпион*. И вот теперь сыну Генриху выпала сомнительная честь покинуть эту землю в качестве *советского шпиона*. Вся дипломатическая карьера коту под хвост. Было от чего закручиниться.

Кранцев, с его провинциальным происхождением и дипломом специалиста по странам Африки, никогда не увидел бы заветной Франции, заповедника для отпрысков номенклатуры, если бы не работа вожатым в пионерлагере МИДа в годы учебы в МГИМО. И не просто вожатым, а любимым предводителем пионеров, в рядах которых значилась маленькая и шустрая Сима Бальян, дочка будущего генконсула в Марселе. Папа хорошо запомнил лицо скромного парня в нефирменной футболке, от которого в восторге была его несовершеннолетняя дочь.

Отъезд генконсула был отсрочен на несколько дней, на время очередного съезда Французской соцпартии, проходившего на территории консульского округа. На съезд идеологических противников была направлена важная делегация КПСС во главе аж с секретарем ЦК и свитой дармоедов. Партийные бонзы прибыли насладиться бесплатной роскошью средневекового замка. Каждое утро и вечер в течение достопамятных пяти дней Бальян и Кранцев, несмотря на разделявшие замок и Марсель 180 км, должны были являться на поклон делегатам – не надо ли чего? Стоит ли уточнять, что *большие люди*, имея доступ к изысканному столу и халявно-

му арманьяку, вовсе не нуждались в присутствии консульских людишек. Но так было положено. И Кранцев напрасно пытался поймать неземной взгляд товарища Артухова, ведущего обозревателя главной партийной газеты страны, но не сумел поймать даже его тени, если тот вообще ее отбрасывал. Они с генконсулом возвращались за полночь, усталые, смущенные бессмысленностью поездок, но счастливые очутиться на уютном диване в прихожей генконсульства, чтобы тоже перед сном пропустить по бокалу арманьяка, но уже бальяновского. Щедрое утреннее солнце Прованса поутру будило Артема ласковыми лучами, отогревая, словно продрогшего пса.

На третий день съезда Кранцеву разрешили присутствовать в зале заседания, и тут на его долю – и к ужасу двух рассеянных охранников именитого главы советской делегации – выпало неожиданное испытание: в задних рядах что-то грохнуло, и началась паника. Позже выяснилось, что у кого-то упал портфель с бутылками, но в момент паники молодой дипломат генконсульства раньше растерявшихся охранников подскочил к секретарю ЦК, чтобы прикрыть его телом и провести к запасной двери. Этот *подвиг* не остался незамеченным другим важным членом делегации, советским послом в Париже всемогущим Касьяном Степановичем Беловенко. Он публично похвалил скромного вице-консула перед членами делегации, уточнив и запомнив его имя. Солнце вроде бы начало выглядывать из-за туч...

После отъезда Бальяна Кранцев сразу почувствовал, как вакуум вокруг него стал сгущаться. Единственный мидовский коллега, консул Бочков, руководивший работой учреждения в отсутствие генконсула, на поверку оказался страшным и подловатым резонером, виртуозом партийно-канцелярской демагогии, пребывавшим постоянно в поиске каких-либо провинностей или проколов в действиях коллег, чтобы можно было их держать на крючке. Как ни странно, все другие «товарищи по работе» из других контор, вечно отсутствовавшие в генконсульстве, при встрече с Кранцевым проявляли и то больше тепла, чем ядовитый и подозрительный Бочков. Кроме, конечно, тех, чья роль состояла в угадывании тайных помыслов сослуживцев и пресечении их возможной вербовки противником и, соответственно, перехода в стан врага, что политически подрывало и компрометировало бы советский режим. Эти вообще со всеми общались медово-сахарными манерами.

* * *

Нет, конечно, господа любезные, на исходе 80-х годов прошлого века советские дипломаты уже не были обязаны, как при Сталине, представлять ежедневные рапорты о своих контактах с иностранцами. Совместное обитание разных служб под крышей МИДа протекало без напряжения и без принуждения, как нечто само собой разумеющееся, тем бо-

лее на таких маленьких островках Советии, как генконсульство в Марселе. Изображать дружбу и сотрудничество трех и более ведомств было своего рода неукоснительным правилом игры, которое никто не нарушал. Монотонного времени долгих одиноких вечеров за высокими решетками генконсульства было вполне достаточно Кранцеву для того, чтобы понять размеры своего «осадного положения» в золотой клетке, и это напрочь отбивало вкус удовольствия от пребывания в стране развитого капитализма. Очень быстро ему стало ясно, что совдипломат на Западе должен принять на себя роль добровольного заложника или даже тройного суперагента, сталкивающегося с тремя видами сомнений в отношении своей персоны со стороны: а) граждан и спецслужб страны пребывания, б) родной контрразведки или «тайной полиции» своего собственного посольства и в) самого себя, чтобы никогда не выдать своего подавленного состояния духа, смятения или недовольства, вызванного первыми двумя пунктами.

За неимением особого выбора Кранцев в первый раз вышел на люди в обществе симпатичного коллеги, другого вице-консула из числа «ближних соседей» – назовем его условно Большим спортсменом, – кандидатом на ближайшую высылку. Вдвоем они отправились, разумеется, на праздник местных коммунистов, восторженных и смелых мечтателей, единственных искренних друзей СССР во Франции в ту пору. Кранцев не раз задавался вопросом, как и почему мож-

но стать и оставаться коммунистом в стране, где существует реальная свобода выбора, когда тебе известна вся правда о торжестве «всепобеждающего» марксизма-ленинизма и «достижениях» сталинизма. Поразительно, сколько бравых малых или великих идеалистов накопилось тогда в «красном поясе» на юге Франции, во всех этих Арлях, Ля Сейнах или Грассах. И все они бескорыстно делились теплом своих сердец и непритязательным, кисловатым вином с советскими товарищами, которые были не ко двору во многих других местах. Конечно, независимо от членства в компартии, все эти простые французы имели нормальное жилье, приличную работу, не жили впроголодь и не стояли в трехчасовых очередях за убогой колбасой, сливочным маслом или тем же красным вином, как их многочисленные далекие камрады в Совдепии. Но что самое главное, будучи коммунистами в капстране, они не опасались за свою жизнь и свободу, как их братья и сестры по духу в далеком, загрязненном промышленными отходами Труханске, закрытом для посещения иностранцами. Французские товарищи даже в страшном сне не могли себе представить жизнь своих собратьев по классу за «железным занавесом».

Шустрая Франсин, активистка местной ячейки ФКП, пригласила Кранцева проведать жившего в этих краях бывшего участника восстания французских матросов в Одессе в 1918 году вместе с растрелянной белогвардейцами Жанной Ля-

бурб. Старику недавно стукнуло 90, но он, по словам Франсин, по-прежнему горел революционным огнем. Большой спортсмен вызвался сопровождать Кранцева в глухую деревушку на севере Прованса. Замшелые обитатели деревушки никогда до этого не видели живых русских, тем более советских. Без рогов, без сабель и даже без красных флагов в руках. Визит в мэрию, руководимую социалистами, прошел без инцидентов. А у себя дома старый матрос приветствовал гостей с кровати и уронил скупую слезу при встрече, которая не обошлась без пары стаканов традиционной анисовой водки – пастиса, дружно выпитого всеми участниками встречи, начиная с Франсин, за победу коммунистического завтра во всем мире. В остальном все обошлось без лозунгов и без провокационных разговоров. Толковали в основном за жизнь, и старик все расспрашивал о героических буднях советских людей. Потом делегация чинно прошествовала через деревушку, дабы удовлетворить любопытство притаившихся за ставнями жителей. И чтобы никогда больше не вернуться в эти благодатные мирные края, не потревоженные Октябрьским переворотом.

После третьего стакана пастиса французские друзья стали уговаривать гостей остаться ночевать: «Здесь так дышится, посидим на природе, поджарим отбивные, а завтра посетим окрестности, совершенно потрясающие места...» Но бдительный спутник Кранцева вежливо и, как выяснилось, прозорливо отклонил приглашение: «Много срочных дел нако-

пилось в генконсульстве». И уже на обратном пути, лихо руля меж виноградников, как бы невзначай сообщил Кранцеву: «Между прочим, места, которые предлагали нам посмотреть возле озера Сент-Круа, как раз соприкасаются с плато Альбион, испытательным полигоном французского тактического оружия. Зона закрыта для иностранцев. Учти на будущее». Кранцев ощутил вспотевшим лбом легкое дуновение – ангел-хранитель впервые помахал крылом над его квадратной башкой.

Непрямой начальник Кранцева, Виктор Викторович Прыгин, для своих – Виквик, консул, отвечавший, среди всего прочего, за поддержание высокой бдительности среди сотрудников генконсульства, был худым, высоким мужчиной с выражением на лице вечной мировой скорби или хронической депрессии. Его вежливость была угрожающе убийственной, как бы приглашая сразу сознаться в нехороших тайных помыслах и тем более в планируемых предосудительных действиях. Он обожал подолгу удерживать коллег в своем кабинете на втором этаже, чтобы вести с ними изнурительные беседы о литературе, музыке или живописи, прерываясь время от времени для того, чтобы показать собеседникам свою коллекцию трубок или усладить их слух новыми высокопарными виршами собственного сочинения. Непонятно почему, но этот чистенький и вкрадчивый интеллектуал нагонял на Кранцева неосознанный нутряной страх. Как ожидание некой кары. Особенно когда однажды тот по-

звал младшего товарища разделить с ним прогулку вдоль набережной моря, в Каннах, и пригласил его там перекусить.

Пристроившись на террасе, они запивали еду белым сухим вином из Кассиса, еще более великолепным на вкус под мягким осенним южным солнцем. Неожиданно к ним присоединился еще один господин, или, как выяснилось, товарищ, старший по возрасту, но весьма харизматичный. Он представился Геннадием Борисовичем, сообщил Кранцеву, что приехал из Парижа на пару дней по делам, и стал мастерски разделываться с устрицами – тщательно соскребал мякоть со стенок раковины, заливал лимонным соком, жадно глотал, заедал черным хлебом с подсоленным маслом и потом уже запивал вином. Кранцеву морские гады были пока в новинку, и он неловко ковырялся в раковине, не решаясь сразу проглотить моллюска целиком, по примеру пожилого гостя. Говорили обо всем и ни о чем – в основном о французской кухне, об омарах, улитках, лягушачьих лапках и, конечно, о вине – какое с чем пить, и Кранцев понимал, что дяденьки подыгрывали ему, не искушенному в прелестях французской жизни. Он односложно отвечал на их вопросы вразброс, а себе все время задавал один и тот же – для чего этим двум благородным господам понадобилось присутствие его скромной персоны. В голове слегка шумело от выпитого, но больше – от пьянящего морского воздуха и солнца, и, конечно, пока ему еще не положено было знать, что должность их нынешнего сотрапезника называется «главный политиче-

ский советник советского посольства в Париже», что обед – это смотрины, а роль Геннадия Борисовича при этом состоит в том, чтобы решить, способен ли некто Кранцев выполнять более деликатные задания Родины, нежели выдача виз и обзор местных газет. Этот эlegantный седовласый и улыбочивый мужчина возглавит список из 47 советских дипломатов, которые будут высланы из Франции ровно через год.

Несмотря на все эти набегавшие темные тучки, брeнное существование Артема Кранцева на обетованной земле галлов понемногу приобретало четкие очертания. Между огнем Бочкова и льдом Прыгина, под неусыпным оком полковника Такиса и шумными встречами с друзьями-коммунистами он чувствовал себя все более и более одиноким и заблудшим в марсельском раю. Вот когда остро ощутилось отсутствие меланхолических вздохов жены Светланы и пронзительных криков белобрысой Аннушки. Еще нестарому, но пугливому Теме очень нравилось находиться на юге Франции, но становилось все мучительнее сидеть взаперти в генконсульстве, раздираясь между могучим зовом к свободе, то есть побегу, и необходимостью ежедневного и ежечасного притворства, приспособления к действительности. Но Козерог по знаку и, стало быть, разумный и осторожный, Кранцев четко сознавал, что, совершив побег на Западе, советский дипломат, возможно, избежит от назойливой опеки КГБ, чтобы тут же угодить в лапки, пусть велюровые, других спецслужб, будь то французская ДСТ или еще хуже – ЦРУ, а зна-

чит, прощай, желанная свобода. Его предопределенное существование оставляло выбрать только мимикрию. То есть не выпендриваться, вести себя как ни в чем не бывало, наслаждаться видом Старого порта, замка Фаро или замка Иф, маячившего чуть дальше в море, иными словами, продолжать свой бег по пересеченной местности как единственный способ остаться по-настоящему свободным и уцелеть в бурях между Сциллой и Харибдой.

* * *

В день великого траура – похорон дорогого и, казалось бы, бессмертного товарища Брежнева сотрудники генконсульства сами, как могли, изготовили и обтянули муаром панно с фотографиями, отражавшими славный путь неутомимого генерального секретаря КПСС, многожды Героя Советского Союза и Героя Труда. В недавнем прошлом Кранцев несколько раз имел честь переводить переговоры в Кремле Ильича Второго с африканскими братьями, приезжавшими клянчить оружие. И он видел перед собой сердечного, мягкого и утомленного человека, который с трудом выговаривал некоторые слова. Казалось, что жить в виде мумии вождю не доставляло никакого удовольствия. В конце дня, занятого приемом многочисленных официальных визитеров, приходивших выразить свои *искренние* соболезнования, Кранцев, валившийся с ног, неожиданно получил упрек от кон-

сула Бочкова, своего непосредственного, хотя и временного начальника, за то, что имел «недостаточно скорбное выражение лица» во время приема гостей и вообще «имел отрешенный вид в то время, как вся страна тяжело переживает невосполнимую утрату». Черт подери! Темные тучки на вечно голубом небе Марселя продолжали скапливаться и нависать над головой, грозя грозой, несмотря на изумительный блеск городских охряных крыш в лучах предзакатного солнца и умопомрачительный аромат буйабеса, марсельской ухи, нелегально проникавший на территорию генконсульства с соседней виллы.

Спасение неожиданно явилось в лице Касьяна Степановича Беловенко, посла и абсолютного владыки советской колонии в Париже, чья могучая фигура неожиданно возникла в куцем дворике генконсульства. Посол прибыл в Марсель для того, чтобы лично сопроводить направляющуюся проездом в Испанию невестку нового шефа КГБ. Там младший Андрогов – конечно, по чистой случайности – возглавлял советскую делегацию на международной конференции в Мадриде. Мудрому и прозорливому товарищу Беловенко и в голову не могло прийти, что в студенческие годы робкий гитарист Тёма Кранцев пересекался на факультете с отпрыском поднимающегося партийного босса и не раз, по прихоти «молодого волка», был приглашаем на вечеринки золотой молодежи в большой номенклатурный папин дом на Кутузовском проспекте и даже был свидетелем первых романти-

ческих встреч своего важного приятеля с некой Лизой, прехорошенькой студенткой МГУ из далекого провинциального города, как и сам Кранцев.

Будь благословен тот дом на Кутузовском! Ничем не выдавая их знакомства в присутствии посла, слегка располневшая, но все еще прелестная Лиза, то есть Елизвета Егоровна, так громко и часто восхищалась французским языком, знаниями и манерами молодого дипломата, сопровождавшего гостей целых два дня по Провансу, что Его Превосходительство наконец опустил свой царственный взор на землю, рассмотрел распластанного на земле гнома Кранцева и даже вспомнил, что мельком видел его в средневековом замке на конгрессе ФСП, во время истории со взрывом. Воспитанник и знаменосец партии проявил отеческий интерес к семейному положению молодого сотрудника генконсульства и услышал в ответ, что тот пребывает в Марселе один-одинешенек, потому как партия не пустила к нему любимую малышку-дочь, и его ответственная жена в порядке самопожертвования решила остаться с ней в Москве, то есть молодая семья разлучена. «Непорядок!» – загадочно и многозначительно сказал ему на прощание важный гость, прежде чем покинуть генконсульство, с порога которого ему дружно и подобострастно махали руками все сотрудники. Откуда было знать Кранцеву, что в голове посла четко засела мысль воссоединить молодую семью – это по-партийному!

А великому дипломату было и вовсе невдомек, что он за-

ангажировался в пользу внука известного украинского писателя, расстрелянного в сталинских подвалах по абсурдному обвинению одновременно в национализме и проведении западной идеологии. И что до разоблачения Сталина Хрущевым в 1956 году и реабилитации всех репрессированных по делу деда имя писателя значилось в черном списке, и молодой секретарь по идеологии киевского обкома КПУ по фамилии Беловенко исправно клеймил его среди прочих декадентов и отступников...

* * *

После встречи с послом прошло несколько тоскливых недель, прежде чем раздался заветный звонок в приемную замгенконсула и Бочков с вытаращенными от изумления и ревности глазами сообщил сквозь поджатые губы Кранцеву, что тот может собираться для переезда в Париж.

На прощание коварная судьба заготовила Кранцеву довольно неприятный «подарок», скорее виртуальный, чем материальный. В последнее воскресенье, перед самым отъездом, вместе с коллегами из генконсульства они заняли удобные места на террасе первого этажа импозантного здания клуба «Рикар», прямо перед легендарным Старым портом, откуда в романе Дюма отплывал Дантес – будущий граф Монте-Кристо. В их бокалах постукивал лед с мутной смесью анисовой водки Перно, а внизу шумела толпа зевак и

зрителей, собравшихся на яркое и необычное зрелище – прыжок с трамплина в воду известного автомобилиста-экстремала Андреаса ван Гуута. Для этого легендарный каскадер должен был разогнаться по проспекту Ла-Канебьер, упиравшемуся в Старый порт, и с трамплина нырнуть в воду вместе с автомобилем.

Вскоре вдалеке раздался рев мотора, потом заревело уже рядом, автомобиль ван Гуута молнией взлетел на трамплин и изящно спикировал в бухту. В поднывающую пену и пузыри сразу же нырнули аквалангисты, чтобы вытащить смельчака. Но выход аквалангистов на поверхность затянулся. Сначала на минуты, потом на полчаса. И когда они всплыли над Старым портом, нависла тревожная, вернее – зловещая, тишина. На набережную на глазах у тысячеголовой толпы вытащили бездыханное тело голландца, привести которого в чувство подоспевшие санитары так и не смогли. Ван Гуут нырнул неудачно: в машине он ударился головой, потерял сознание и, пока приходил в себя, захлебнулся. Толпа единодушно поникла и стала расползаться. Высокий градус Перно уже не пьянил. Близкое дыхание смерти обожгло лицо протрезвевшего Кранцева. Более отвратительного зрелища он не мог себе представить. Так быстро и просто умереть на глазах у всех. На взлете славы. За какие-то деньги. Нет, экстремальность и адреналин никогда не соблазняли Артема Кранцева. И никогда не соблазнят. Так он решил.

Заключительные кадры марсельского фильма промельк-

нули быстро и без сюрпризов. От нетерпения Кранцев не снижал темпа своего бега и совсем не думал о том, стоит или нет устроить на прощание бурную ночь с грустной машинисткой Ритой. Надо было думать и о том, чтобы на последнем этапе не подставиться консулу Бочкову по служебной линии для какой-нибудь кляузы и избежать досады консула Прыгина, возымевшего на него далеко идущие планы «напарника». Кранцев предпринимал воображаемый бег с единственной навязчивой идеей обойти все препятствия и ловушки, чтобы не сойти с дистанции как можно дальше. В случае остановки он не мог рассчитывать ни на чью помощь на трассе. Скорее наоборот – в его системе слабых бегунов затаптывали сильные. Стратегически его программа была пока еще не сложнее, чем у Риты или секретных сотрудников генконсульства, – не выпасть из седла, получить свои бабки и благополучно вернуться на родину. Утешало одно: полковник Такис, наведавшись в генконсульство еще пару раз, похоже, потерял интерес к вице-консулу, поняв его непринадлежность к искомым спецслужбам противника.

* * *

Маленькая советская колония в Марселе имела обыкновение в некоторые выходные дни устраивать пикник во дворе генконсульства «в целях укрепления духа товарищества и сплочения коллектива», т. е. собираться вокруг круглых

пластиковых баллончиков с дешевым сухим вином и жарить кто что принесет. Заведовал жаркой Михалыч, разводя над мангалом страшный дым, такой, что однажды примчались встревоженные пожарники. На разливе вина всегда стоял дежурный комендант Брутов, хмурый, но на проверку незлой мужик, зацикленный, вместе со своей женой Любой, на накоплении чеков на «Волгу», что с его мизерной зарплатой за два года сделать было непросто. Завхоз Тетерев, как раз очень даже злющий, в обычные дни обеспечивал музыкальную часть, ставя какие-то заезженные блатные песни или пытаясь под гитару коряво исполнить песни Высоцкого. Неказистый амбьянс пикника всех устраивал, кто-то просто поглощал пережаренные колбаски и мясо, густо запивая их дармовым красным вином, кто-то ел мало, но налегал на водку и пиво, просто чтобы напиться, что не возбранялось, если, конечно, клиент не падал или не матерился при женщинах.

В один из таких пикников консул Прыгин под общий шум застолья приблизился к Кранцеву и стал вполголоса что-то невнятно бормотать про превратности жизни, особо напирая на проблему вечной борьбы между силами Добра и Зла на земле, и в конце предложил выпить на двоих за союз рыцарей Добра, какие бы имена они ни носили – Алеша Попович, Ричард Львиное Сердце или Давид. Продолжения этой странной беседы, смысл которой Кранцев без труда уловил, так и не последовало. Но в дни, остающиеся до отъезда из Марселя, он испытывал смутные чувства, которые мог был

понять только Эдмон Дантес в застенках замка Иф, еще не зная, что станет графом Монте-Кристо. Иногда, просыпаясь ночью, Кранцев терялся в догадках по поводу поразительного бездействия спецслужб: свои ничего ему не поручали, чужие не пытались его вербовать. Неужели он так им неинтересен или не достоин доверия?

Пережевывая все эти тревожные мысли длинными одиночными ночами, когда не приходил сон, Артем между двумя глотками виски нет-нет да и представлял себе стройные бедра машинистки Риты, тихо, как мышка, сидевшей в своем углу в пяти метрах от его комнаты по коридору. Во сне ему виделось, как он преодолевает короткую дистанцию между своей квартирой и девушкиной, стараясь бесшумно прошмыгнуть мимо двери Михалыча и его бдительной супруги Прасковьи Павловны. Миссия почти невыполнимая. Однажды такой момент все же представился: соседи уехали в Париж на пару дней по делам генконсульства. Воздух Прованса, пропахший лавандой, заполонил комнату, и третий глоток виски придал смелость фантазиям Кранцева. Он представил себе, как дверь в комнату Риты открывается без малейшего шума и девушка, стоявшая у окна, медленно разворачивается в сторону незваного гостя, пронзив его спокойным и понимающим взглядом, как если бы давно ждала его появления. На ней длинная майка с эмблемой BMW и больше ничего. Ее волосы пропахли лавандой, как и ветер, пробивавшийся в маленькое окно. Волнение первого прикосновения подавил

тот самый последний глоток виски.

И вот, не произнося ни слова и дрожа, словно от внезапно-го наплыва холода, Рита уже увлекает его, Кранцева, в свое незатейливое ложе – на широкий старый топчан с душистыми простынями, чтобы уже там крепко обвить его длинными, жадными руками. Вот они уже потеряли счет времени и на протяжении долгого соития не произносят ни слова. Когда движения стихают, привидение тощенькой Риты нежно целует Кранцева в шею и, еще раз прижавшись к нему всем телом на прощание, нежно сталкивает его с топчана, все так же молча указывая на дверь.

В этом месте, насмотря на виски, сознание все же вернулось в шальную голову Артема и вовремя подсказало, что он заснул от выпитого на своем диване и что от стройной де-вушки его сна исходит тошнотворный запах мускуса, пота и неуголенной женской плоти, слишком терпкий, чтобы при-тягивать.

* * *

Последние несколько недель, остававшиеся до отъезда из Марселя, Кранцев прожил в полной гармонии с феериче-ской красотой зелено-голубого Прованса, часто навеваясь в излюбленные места своих прогулок между Тарасконом и Параду с одной стороны и между Лаванду и Раматюэль – с другой. Или возвращаясь в Динь-ле-Бен, где жили персо-

нажи Себастьяна Жапризо из романа «Убийственное лето», его любимой книжки этого периода. Ему не нравилось бродить по ведущей к старому порту главной улице Марселя – знаменитой Канебьер, приобретшей в последнее время вид арабского базара с неприятным, дешевым запахом *кускуса*, *кебаба*, *мергезов*, *шаурмы* и прочих сомнительных угощений местной мусульманской общины. Лишь иногда, двигаясь в сторону старого порта, он с тоской глядел на арабские лавки вокруг, превращавшие знаменитый французский город в предместье какого-нибудь Алжира или Дамаска.

Напринимав огромное количество мусульман, французы попались в собственную ловушку «толерантности и уважения прав человека», когда их язык и культура все меньше интересовали многочисленных пришельцев из Магриба и Тропической Африки, и, похоже, недалек был тот день, когда коренное население страны галлов останется в меньшинстве. Попытки Кранцева поделиться своими сомнениями с друзьями-коммунистами воспринимались с удивлением, если не с возмущением, как проявление расизма. Но при чем здесь расизм, огорчался он, если упадок и вытеснение французской культуры грозили вырождением некогда великой страны – духовного маяка Европы.

В своей прошлой жизни Тёма Кранцев, мальчик из советской провинции, навидался убогости, скудости и нищеты в родном захолустье, и ему вовсе не хотелось сталкиваться с этим снова в развитой европейской стране, наблюдая,

как она постепенно погружается в пучину посредственности, неряшливости и грязи. Ничего постыдного он не видел в том, чтобы любить и отстаивать высокую культуру, изящество и особый стиль жизни, которыми всегда отличались эти самые французы от других народов, и защищать эти особенности от пришельцев, которым они не только чужды, но и безразличны и которые не только отвергали и презирали эту культуру, но и пытались в приютившей их стране навязать свою, низкую, грубую и уродливую. Если бы друзья-коммунисты прочитали эти мысли Кранцева, то единодушно записали бы его в сторонники шумного и эксцентричного националиста Легрена. Но Кранцев все равно считал, что, для того чтобы строить минареты и мечети, носить хиджаб или бурку и ненавидеть французов, не стоило приезжать во Францию. Тем, кто без этого не может, самое место в богатых Саудовской Аравии или Кувейте.

Без семьи и без друзей Артем, скучая под вечно голубым небом Прованса, ощущал острую потребность в нежности, готовый не только принимать, но и дарить ее. Казалось, его ладони и губы засохли, заскорузли и побаливали от нехватки и долгого ожидания ласки. Волнующий сон с Ритой был реальным сигналом близкой утраты внутреннего равновесия. Он чувствовал, как пустота, хандра постепенно окутывают и тянут его на илистое дно темного, холодного озера, обостряя ощущение бесполезности, потерянности и тяжелой неодолимой тревоги.

Именно в один из таких моментов упадка душевных сил, сидя с отсутствующим взглядом на холодной скамейке парка Багатель, он обратил внимание сначала на пару стройных, пружинистых ног, узкие бедра, а по мере приближения – на чувственный, немного трагичный рот незнакомой женщины, шагавшей в сопровождении маленькой девочки. И вдруг вспомнил: они познакомились полгода тому назад на коктейле в клубе «Рикар» в старом порту, в присутствии ее мужа, известного адвоката, по имени, кажется, Юбер или Хуго. Муж тогда еще оживленно о чем-то болтал с консулом Жабринным, самым скрытным и неприятным из всех коллег, с вечно приклеенной полуулыбкой на лице, и Кранцев удивился, что общего могло быть между этими двумя людьми. Имя дамы не запомнилось. А жаль, подумал он, инстинктивно поднимаясь навстречу идущим... От произнесенного Кранцевым «бонжур, мадам» женщина вздрогнула, но ответила неким подобием улыбки. Лицо мужчины ей тоже о чем-то говорило. Состоялся быстрый обмен взглядами. Ее зовут Жюдит, по-русски – Юдифь.

В середине декабря в Марселе все же холодно, хотя и не сибирские морозы. Кранцев зябко поеживается и что-то говорит, нервное, пустячное, чтобы заполнить вакуум, снять возникшее напряжение. Его внимательно слушают, но предложение зайти куда-нибудь что-нибудь выпить отклоняется. Взамен предлагается зайти «к нам домой», выпить горячего чаю, именно чаю, а не кофе, но через полчаса, сначала

она должна отвести маленькую Еву в школу. Полчаса длинной в полвека. Кранцев уже не дрожит, а трясется – от холода и от волнения. Ему всегда не хватало уверенности в себе при первом сближении с женщиной, но магия линии рта Юдифь сильнее волнения. Конечно же, он не собирается ее трахать (отвратительный новояз), но полон решимости впиться в этот рот, горячо ласкать и любить незнакомку. Просто так, с бухты-баряхты. И не считать минут наслаждения и, возможно, счастья. Ему так хочется, чтобы кто-то внятно ответил на его неумное желание любви: без суеты, медленно, деликатно, мощно, бесконечно. Банальные мужские фантазии.

Однако переступая порог квартиры Юдифь, он так и не сумел сбросить напряжение, остался натянутым, как тетива. По всей видимости, совсем не этого ждала от него женщина, тоже явно смутившаяся своего слишком быстрого и слишком очевидного, а значит, предосудительного порыва и согласия при виде этого незнакомого мужчины, внезапно взволновавшего и привлекшего ее своим тревожным, пронзительным взглядом. Но прежде чем протянутая рука Кранцева коснулась щеки женщины, чтобы ответить на ее молчаливый призыв и ринуться в наваждение, в его сознании вспыхнули подробности их недавнего знакомства, вызвав невольную гримасу боли: муж Юдифь, беседующий с консулом Жабриным, и странное переплетение их взглядов. Не иначе как западня, поставленная ему, балбесу Кранце-

ву, французскими секретными службами или их гэбэшными коллегами – поймать его, грешного, «на женщине». Чтобы, значит, «посадить трусливого кролика на сковородку, завербовать или просто подставить для отвода глаз или чтобы запутать следы», черт их знает, что у них может быть на уме. А шикарная женщина вроде Юдифь – верная ловушка для озабоченного, безмозглого Кранцева.

Его протянутая рука застыла на полпути, чтобы вернуться на сразу вспотевший собственный лоб. «Авария, облом», – с презрением к самому себе подумал он. Мудрая Юдифь сразу же уловила перемену в настроении гостя, его внезапное и непонятное отторжение, сколь непоправимое, столь и непростительное. Она инстинктивно отступила на шаг, глаза погасли, и Кранцева окатила холодная волна стыда от собственной позорной капитуляции. «Ставок больше нет, игра сделана, господа». Шах и мат. Он никогда не коснется этих зовущих губ, не обовьет руками зрелое тело прекрасной француженки, готовое слиться с ним в искреннем и спонтанном желании. Скорее всего, этого не произойдет и во второй жизни. Чудак ты, Кранцев, на известную букву.

* * *

Можно ли и как объяснить подобные, далеко не редкие сбои в безалаберной жизни Артема Кранцева – чувствительного, но по большому счету застенчивого хлопчика, даже

робкого в отношениях с женским полом? Полная противоположность мачо, хотя и не слюнтяя. Просто ласковый, неуверенный в себе маменькин сынок, немного избалованный любопытством женщин, ищущих нежности. В нем они ее безошибочно угадывали. Именно эти его неистощимые запасы нежности одновременно привлекали и разочаровывали, если процесс предварительных ласк затягивался. Увы, женщины суровы, требовательны и конкретны в своих желаниях. Не терпят мужских капризов и тем более сбоев. А Кранцев как раз позволял себе покапризничать, слишком прислушивался к своему настроению, а не к основному инстинкту.

В результате с женщинами у Артема выходила суцая мука. И хотелось, и кололось. Во-первых, ему казалось, что он всегда был женат на Светлане, которая принимала и терпела его капризы и сбои. Их брак уже с самого начала держался не на супружеских соитиях, а на взаимопонимании, взаимоуважении и чисто человеческой привязанности. Во-вторых, женщины искушали Кранцева не из-за избытка гормонов, а из тщеславного стремления самоутвердиться, победить. Себя и их. В-третьих, в «ближнем бою», когда наконец его тело и мозги просыпались от летаргии, Кранцев впечатлял противоположный пол не только своей непосредственностью, мальчишеством, но гораздо больше своей раскованностью, фантазией и неистовством. Поэтому чаще всего после близости с ним возникавшие порой подружки настаивали на продолжении связи, от которых он бежал как черт

от ладана к своей домашней, такой знакомой и порядочной Светлане. С ней-то он твердо знал, что не рискует услышать насмешку или подхватить «дурную болезнь».

Целомудренная по воспитанию и убеждению, Света не искала и не ждала от него шквальных сексуальных набегов, ее привлекали деликатность и пылкость мужа в постели. Его же притягивала неподдельная, устойчивая чистота тела и помыслов супруги, никогда не видевшей и не терпевшей порнухи. Порнухой же для нее было все, что выходило за рамки «установленных приличий», т. е. супружеской верности, неукоснительного исполнения супружеского долга и домашних обязанностей. Ей и в голову не могло прийти, хотя порой смутные подозрения возникали, вызывая приступы неудержимого гнева, что ее муж, Артем Кранцев, как раз склонен к смелым сексуальным грезам и «низким плотским утехам». То есть к «неразборчивым половым связям» с особями исключительно противоположного пола, исключая свальный грех, садомазохистские забавы, скотоложество, педофилию и, разумеется, некрофилию. Подобными познаниями он мог бы только шокировать свою простодушную супругу – «девушку из хорошей семьи», инженеру, которой он пытался решительно, но безуспешно овладеть еще до свадьбы. А потом согласился начать с ней роман жизни «в розовом цвете» – честной, добропорядочной, спокойной. И даже решил, что наивность, взаимная неловкость и некоторая ритуальность даже вносят определенную пикантность в их телесные от-

ношения на исходе двадцатого века, после череды сексуальных революций в большинстве развитых стран. Нарушить эти условности было бы святотатством. Это ощущение навсегда закрепило в сердце Кранцева и цементировало его брачные узы с женой, вопреки то и дело вспыхивавшим сексуальным пульсациям, постоянной нехватке денег и непреходящей неприязни подозрительной тещи к никчемному, с ее точки зрения, зятю – «этому провинциалу».

Еще со студенческих, добрачных времен в сознании Кранцева прочно отпечатался, засел и уже никогда не покидал его образ идеальной девушки-мечты, поразившей однажды его воображение в институтской библиотеке: черные локоны, ямочки на щеках, большие яркие глаза, голова прилежной ученицы, склоненная над книгой. Именно такой являлась ему во снах студентка Светлана, излучавшая чистоту тела, мыслей и души. Несколько раз они перебрасывались общими фразами в столовой или в коридорах института. При этом Кранцев почему-то глупо робел, девушка казалась неподступной, неодолимой, так как совсем не кокетничала, держалась просто, дружелюбно, без показного интереса. В те времена, да и потом еще долго Кранцев вообще был равнодушен к «чистым» девушкам, смотрел им в лицо, а не на ножки или попку. Он так и не сумел сказать черноволосой красавице что-то вразумительное и, получив диплом, так и уехал на свою стажировку в тропиках, уже сотрудником МИДа. И уже там, на далеком острове в Индийском океане,

по прошествии нескольких месяцев видение чистого, улыбочивого лица Светланы не переставало покидать его затуманенные тропической жарой мозги. Оставалось лишь сесть и написать письмо. Что и было сделано одним ранним томительным, душным утром. Письмо ушло с диппочтой на адрес институтского товарища, с просьбой передать послание по назначению. Почтового адреса девушки Кранцев не знал. Самое поразительное, что через некоторое время он получил ответ – ничего особенного, никаких девичьих признаний, восторгов, да и глупо было бы их ждать. Просто теплый тон товарища по институту. Но письмо окрылило, и через три дня после возвращения с острова Кранцев с букетиком ландышей и прежним глупым видом уже ждал Светлану на первое свидание у метро «Динамо».

Потом были Дворец бракосочетания имени Грибоедова и пышная свадьба в престижном ресторане «Прага», устроенная, опять же, влиятельной мамашей невесты. На свадьбе оба, обнимаясь и чокаясь со всеми подряд, изрядно набрались и, добравшись до квартиры родителей к полуночи, в маленькую комнатку, отведенную новобрачным, рухнули на узкую кровать и заснули богатырским сном, не изведав таинств первой брачной ночи. Утром родители на цыпочках проскакивали на кухню мимо их комнаты – чтобы не потревожить молодых, а Кранцев, придя в себя от тяжелого сна, ничего более умного не придумал, как взять плохо настроенную гитару и спеть популярную тогда авторскую песню «Не

женитесь, поэты», чем до слез обидел молодую жену. А вечером собравшиеся на продолжение празднества родственники многозначительно, с пониманием дела, лукаво поглядывали на новобрачных, словно пытались в их глазах угадать яркие впечатления прошедшей ночи. И не очень понимали, почему в ответ молодые отмалчивались и хихикали...

Как ни странно, именно долг и нежность, а не секс, своего рода дружба и сотрудничество скрепляли союз Артема и Светланы крепче, чем виртуальные бурные, бессонные ночи постельных безумств и бесконечных объятий ненасытных и опытных любовников. Эта область деятельности так и осталась за чертой напрасных мечтаний, возможно, для обоих. Долг был наваждением Светы, полностью поглотив ее существо, не оставляя места для «плотских утех и наслаждений». «Соблюдать правила и иметь спокойную совесть» – таковы были лозунги Светиной жизни. Оспаривать эти очевидные ценности было непросто и бесполезно, даже если Артем, одержимый в первую очередь поиском нежности, легкости бытия и удовольствий, хотел бы видеть свою жену менее «чистой», а точнее – чуточку более порочной. Хотя бы с ним наедине. Но непримиримая Светлана, вслед за ее мамашей, регулярно корила своего мужа за «порочность», когда он пытался опрокинуть ее на ковер или на стол в неурочное время, прорваться в ванную во время мытья жены или когда, к примеру, невымытой осталась посуда. Для «пустяков» существовала ночь, а если сон валил с ног от трудов на работе и

по дому, то для неловких объятий оставались лишь короткие минуты поутру, в спешке, чтобы не опоздать на службу. Аннушка родилась у них только через два года.

Некоторым образом отношения Кранцева с женой повторяли его отношения с Системой: притворяться, делать вид, что согласен, но не предавать, бежать от реальности, фантазировать, мысленно эмигрировать, но не вступать в борьбу. Со временем он даже придумал для себя удобную формулировку: «Зов плоти неодолим и естественен, уклоняться от него глупо и вредно, это физиологическая потребность человека, чтобы оставаться в психологическом равновесии». Следовательно, его редкие внебрачные эскапады могли трактоваться не как «измена чистой любви» к жене, а лишь как «слабость плоти, но не духа», раз при этом не затрагивалось сердце, что изредка, ненадолго, но все же случалось.

Увы, лишь намного позже Кранцеву суждено было обнаружить буйную чувственность своей «странной», полной противоречий спутницы. Дело в том, что в первые годы совместной жизни неопытный Тёма просто не понимал, что нужно жене для полного счастья и почему оно дается так сложно, таким усилием, когда другие сговорчивые подруги сотрясались и повизгивали уже через пару минут прямого воздействия. Но мужу такой медали Света не давала, и оттого ему всегда казалось, что его жена испытывает наслаждение только от стирки пеленок, варки супа, уборки комнаты и других домашних дел, но не с ним. Он не раз замечал долгие,

жадные взгляды, бросааемые другими мужчинами на пышные формы жены, и всегда видел, что это приводило ее в волнение. У нее розовели щеки и учащалось дыхание. Нет, не глупую ревность испытывал тогда бедный Артем, зная, что если однажды подруга решит вам изменить, то она может сделать это с кем угодно, в любой момент и в любом месте, не исключая лифта. И вот когда он представлял себе, как делит жену с кем-то еще и она стонет от наслаждения, дыхание учащалось и щеки краснели уже у него самого. Тогда ему еще в голову не могло прийти, что в их совместном путешествии по жизни появится некий Борис.

Последние кадры марсельского фильма – Старый порт, пляж Прадо, пестрый собор Нотр-Дам-де-ла-Гард на высоком холме – ускоренно прокручиваются в голове Кранцева, когда потрепанный пикап генконсульства, послушно сопя в руках Михалыча, несет их по безукоризненно гладкой автомагистрали на север, к Парижу. Сухой свежий ветер с плато Систерон задувает в приоткрытое окно, освежая лицо и мысли. Этот ветерок куда ароматней и культурней, что ли, потому бодрит, а не берedit душу, как родные, но тоскливые запахи умирающей русской деревеньки, с которой Артем прощался всего полтора года тому назад. Непонятно почему в ушах, как бы для успокоения, звучит волшебная мелодия из фильма «Пассажир дождя» и неповторимый голос Марлен Жобер призывает не грустить. Мир вокруг сразу преобража-

ется, светлея. Отъезд из Марсея – всего лишь очередной промежуточный этап и скорее похож на бегство от неласкового отчима. Без объятий, без прощальной рюмки на посошок и без сожаления. Не оставляя позади никакой дружбы, нежности и тем более любви. Разве что Рита из-за занавески своего окошка на втором этаже смотрела, как он садился в машину. Сел и поехал, не оглядываясь.

К Парижу подъезжали под вечер, в густом февральском тумане. Постояли в пробке на въезде в столицу, у Орлеанской заставы, потом не спеша добрались до заставы Дофина, чтобы съехать к посольству, или, как его прозвали ехидные парижане, – *Бункеру*. Импозантное здание в стиле советского конструктивизма, воздвигнутое не без споров в престижном 16-м аррондисмане, на бульваре генерала Ланна, по соседству с Булонским лесом. Новый этап марафона.

* * *

Ока – настоящая, прелестная русская река, хотя и не такая большая и заменитая, как Волга. Для акции «Прощание с Россией» Артем Кранцев и его старый приятель Герман, или просто Гера Седин, выбрали деревушку Бехово, расположенную на Оке, по соседству с родным имением художника Поленова, пратически не известного на Западе, но милого русской душе. Другой их приятель, глубоко пьющий Влад Земский, несмотря на перспективу «мощного выпивона», отка-

зался присоединиться к акции, во-первых, потому, что никуда за границу не уезжал и, соответственно, комплексовал, а во-вторых, потому, что был занят очередной разборкой с очередной, кажется, третьей женой. Главные и единственные участники акции – Артем, отбывавший во Францию, и Гера, получивший пост в ООН, в городе «желтого дьявола» Нью-Йорке, – данное себе обещание сдержали и прибыли на берега Оки не налегке, а с изрядным запасом алкоголя разных сортов и вкусов, от горькой настойки «Ерофеич», банальной «Кубанской» водки с запахом полыни до популярного в те годы венгерского вермута. Международная и даже местная пресса сие мероприятие не освещала, и посему оно осталось неведомым для широких кругов мировой общественности. И слава богу.

В самом начале сентября, теплым осенним деньком, двое нестарых еще мужчин, одетых в туристскую рвань, высадились с резвого пароходика на обетованный беховский берег, проследовали в деревушку и, по наводке московских друзей, нашли полуразваленную избу довольно дряхлой бабы Поли, которая сразу же и с неподдельной радостью сдала им на пару дней свои хоромы, а именно сени с широкими полатями, забросанными старым тряпьем, и уборной, разумеется, во дворе. Еще бы старой Полине не радоваться, если предложенная за два дня плата в два раза превосходила ее собственную пенсию по старости и к тому же «робята», как она их именвала, притащили с собой драгоценную столичную выпив-

ку. Для порядка гости совершили тур по овечьему духом художников поселку, пройдясь лугом до местного сельпо с целью изучения ассортимента горячительных напитков. Ассортимента не было, если не считать рядовую поллитровку районной водки за 2 рэ 87 и раритет в виде затоваренного «Горного дубняка» – дрянной, но сильно пьянящей горькой настойки, уже исчезнувшей в Москве. Продовольственные продукты в съестном отделе попросту отсутствовали, кроме нескольких пачек соли, жутковатого вида печенья и прославленного народом консерва «Частик в томате» – конечно, не аристократического, но вполне сносного закусона для дрянной водки. Маленькая, расторопная и улыбчивая баба Поля с энтузиазмом восприняла появление разных бутылок на своем простом струганом столе, проворно выставила на него свои незатейливые, но дорогие русскому сердцу и желудку яства – квашеную капусту и соленые огурчики. Ей нравилось разделить трапезу с двумя приятными вежливыми молодыми людьми из Москвы, к тому же внесшими свой вклад в виде великолепной копченой московской колбасы, уже позабытой в здешних местах.

Ближе к вечеру, под анестезирующими парами выпитого, горожанам опять захотелось на волю, спуститься к засыпающей Оке и, вдыхая упоительный воздух, толковать, говорить обо всем и ни о чем. Гера был единственным другом, которому Кранцев решился сообщить о своих «новых атрибутах», полученных под расписку от собеседника спортивного вида

в некоей комнате незадолго до отъезда.

– Не тужи, – саркастически утешал тот товарища, – они всем предлагают, я тоже давал подписку, когда первый раз в Англию выезжал, иначе не выпустят... По сути, никакого реального значения это не имеет – обычный шантаж, как и вся прочая их деятельность... Просто большая сетка гребет любую рыбешку... Наплюй, разотри и забудь, как только пересечешь границу. Там у них практически не будет средств давить на тебя. Работай спокойно, да и все, если сам не дашь слабину. Вычеркни из сознания...

Остаток ночи друзья провели, блуждая по темным закоулкам деревни, продолжая наслаждаться лечебным воздухом с неповторимым запахом влажного русского леса. Уже утром, спросонку, Кранцев вспоминал, что их пригласили в какую-то избу, которая оказалась дачей известного художника-портретиста Шарова, любимца властей. Было много народу, в смысле красивых, но незнакомых женщин, чокался и обнимался с ними, без попыток клеиться, осталось смутное ощущение чего-то незавершенного, но приятного. Нетерпеливое сердце Кранцева выстукивало радостную дробь, когда он вышел в поднимающийся от реки утренний туман по малой нужде и с наслаждением справил ее у забора, не дойдя до зеленой будочки. «Рона, Сена и Гаронна, наверное, не хуже нашей Оки», – впервые подумал он о близкой загранице и вернулся в теплоту дома. Гера, раскинувшись на полотах, продолжал посапывать. Он вообще соня.

...Они познакомились на Всемирном фестивале молодежи в Берлине и сразу же понравились друг другу: оба одинаково ехидно реагировали на благоглупости Системы, не терпели дураков, чванливых начальников и партийных крикунов. А с течением времени стали обмениваться и более острыми замечаниями по поводу всего происходящего на родине счастливых рабочих и крестьян. И поскольку после этих разговоров никого из них на Лубянку не вызывали, окончательно поняли, что могут доверять друг другу полностью. Редкая вещь в совке. Кандидат наук Седин входил в группу советников международного отдела ЦК КПСС и участвовал в разработке документов и выступлений руководства по ключевым идеологическим вопросам. Свой блестящий ум он ничтоже сумняшеся поставил на службу замшелой политической системе в обмен на известные привилегии – спецснабжение и поездки за рубеж. Становиться диссидентом и атаковать мощнейшее государство казалось ему глупой и безнадежной затеей. Основной целью своей сознательной жизни Гера поставил легальный отъезд, по возможности навсегда. И гори оно все огнем. Мастер двусмысленности, он потрясающе пародировал бессмысленные речи партийных боссов, отчасти написанные им самим, и они с Кранцевым давились от смеха, наслаждаясь некоторыми пассажами из речей, скрытый стеб или абсурдность которых ускользали от бдительных контролеров из «откуда надо». Перешептыва-

ние и дурной смех друзей за закрытыми дверями кухни иногда вызывали ревнивое переглядывание супруг, остававшихся в гостиной за бокалами любимого мартини. К счастью, маленькие саркастические шедевры Седина оставались неведомы широким народным массам, впрочем, привыкшим к абсурдности советского бытия.

Понадобилось некоторое время, чтобы оба поняли, что ни один из них не *сексот* и не *стукач*. Что было дорогим подарком во времена диссидентов и рефьюзников, когда советский политический сыск зорко следил за инакомыслием. В этих условиях Гера Седин, как и его любимый литературный герой – солдат Швейк, выступал «за умеренный прогресс в рамках законности», что означало – не высовывайся или не навреди себе сам. Статус-кво в стране Советов его вполне устраивал как трамплин для будущего легального выезда в страну с мягким климатом и твердой валютой. Поэтому, в отличие от невыездного Земского, напрасно было ждать от Седина публичных бравад с антисоветским душком или неуместных шуток по адресу властей. И это еще больше сближало двух «просвещенных конформистов», как они себя называли.

– Будем наслаждаться жизнью, – проповедовал Гера, гурман и обжора, – никого не предавая, не ноя и не агрессивуя. Какой прок тухнуть за свои неординарные мысли в каком-нибудь лагере или в ссылке. В своих головах мы построим лучшее будущее и воплотим его в жизнь. Книжный Дон

Кихот симпатичен, трогателен, но не больше. Его пример ничему не служит. Толпа плюет на подобных придурковатых героев и рукоплещет блестящим победителям. Из лицемерия, трусости, подобострастия, из патологического преклонения перед силой, властью и деньгами...

Вернувшись в дом после умывания в реке, Кранцев сразу остро почувствовал запах жареных лесных грибов с луком. Баба Поля готовила им завтрак. Часы показывали половину восьмого – в котором же часу юркая старушка успела смотаться в лес и набрать грибов? По дороге назад она успела прихватить в селъпо буханку свежего серого душистого хлеба кирпичиком – специально для городских гостей. Гера уже свесил ноги с полатей и тоже вдыхал вкусный запах. Почти одновременно в дверь постучали, и в избе появился потрепанный мужичок с протезом вместо левой ноги. «Савельич», – представился он и без приглашения уселся за стол под приветливым взглядом бабы Поли. «Гриша – свояк мой, инвалид войны, – пояснила она, – божий человек». Как бы в подтверждение ее слов на груди пришедшего зазвенели медали, прикрепленные к застиранной гимнастерке – видимо, его единственной приличной одежде «для выхода». «Зашел вот Полину проведать», – доложил «божий человек», поглядывая на стол, где кроме миски с грибами, тарелки с солеными огурцами, полбатона колбасы и нарезанной буханки хлеба уже высились две бутылки любимого национального на-

питка. «А заодно и гостей приветить», – добавил он и для порядка откашлялся. После выпитой третьей, не закусывая, Савельич приступил к сбивчивому рассказу о своих разногласиях с окружающим миром.

– Вот, к примеру, вы, молодые, а уважили меня, старика, ветерана Великой Отечественной, налили стаканчик... От козлов – начальников наших, которые наверху, такого не дождесся... На их сраную пенсию, что нам плотют, не накупишься. Хорошо, что Поля огород держит, с него и кормимся, с голоду авось не помрем... А еще один тут недавно, художник, любят, черти, к нам приезжать, так вот собрался в обратный путь и, вместо чтобы налить, кисточку мне свою подарил... На кой хрен она мне, в жопу вставить, чтоб на осла походить? Так их и без меня хватает.

Наверное, было бы бесполезно объяснять старику, что оба тоже вот прямо сейчас отбывают: один – в Нью-Йорк, другой – в Марсель, далече от красивой реки Оки. И когда они собрались и двинулись в сторону пристани, старик со старушкой еще долго крестили их вслед и махали на прощание с порога кривенького домишки бравым парням из города, которых не рассчитывали больше когда-либо увидеть...

Как ни странно, всю дорогу из Марселя в Париж Кранцев снова и снова крутил перед глазами эту картину с двумя славными стариками, наверняка не знавшими, где находится Франция.

Как и все чудеса, назначение Кранцева на работу в страну галлов было ниспослано небом. Как он сам решил, в качестве награды за его долготерпение и послушание. После возвращения из стажировки на далеком африканском острове его определили на службу соответственно в Африканский отдел МИД, откуда через пару-тройку лет ему суждено было выехать на работу в какую-нибудь пустынную Верблюдинию или тропическую Мартышанию, короче, в одну из точек, затерянных на карте и забытых Богом. И это считалось еще неплохо для молодого дипломата без блата. По крайней мере можно было заработать достаточно чеков с желтой полосой на покупку «жигулей» или даже «Волги», если много не тратить на пьянку. Несмотря на свой скромный московский бюджет, Кранцев, тогда еще снимавший в Москве комнату в квартире малоизвестной, бывшей, но довольно игривой киноактрисы, старался отдалить момент отъезда в столь далекие края. Впрочем, неплохой добавкой к московскому бюджету служили гонорары за переводы детективных романов в издательстве «Молодая гвардия». Кстати, именно по этой причине Кранцева быстро перевели из «оперативного» отдела в сонное Историко-архивное управление – «более подходящее место для писателей», как объяснил ему непосредственный начальник-африканист. Из архивов выехать в при-

личное посольство не светило вообще. Но утешением послужило то, что там Кранцев вдруг обнаружил своего старого приятеля, шумного и скандального Влада Земского, тоже засунутого в бесперспективный архив за какие-то проступки и общее инакомыслие.

Его Величество Случай явился Кранцеву в коридорах министерства в лице Генриха Ашотовича Бальяна, представительного, элегантного господина далеко не преклонного возраста. Здесь не грех напомнить, что волею все того же случая, в счастливое институтское время, то есть сравнительно давно, вихрастый Тёма Кранцев, студент третьего курса, ради подработки нескольких грошей на летних каникулах записался вожатым в мидовский пионерлагерь под Москвой. И там, представьте себе, опять же совершенно случайно, среди других пионеров своего отряда особо выделял смешливую и музыкальную Симочку Бальян. А ее папаша в это время двигался по восходящей в дипломатическом ведомстве и не раз, навещая лагерь, благодарил будущего дипломата за теплое отношение к дочке.

Спустя пять лет Генрих Бальян остался таким же подтянутым, живым и доброжелательным, как прежде. После краткого обмена ритуальными приветствиями и новостями он почти на ходу бросил ошарашенному Кранцеву:

– Вы знаете, Артем, я сейчас работаю в Марселе (то, что работает он простым генконсулом, не уточнялось) и попрошу, чтобы вас оформили ко мне в помощники, если не воз-

ражаете, конечно. Как можно быстрее. Ну, до скорого. Надеюсь, получится?!

С этими словами Бальян буквально испарился за поворотом коридора, исчез, как солнечный блик, оставив Кранцеву чувство нереальности услышанного и смутной надежды. Надежда стала еще более смутной, когда спустя несколько недель его вызвали в отдел кадров для беседы с пухловатым замначальника отдела *Барабуровым* и тот сразу же огорошил пришельца.

– Мы с огорчением узнали, Артем Васильевич, что вы ищете работу. И не скрою, это нас беспокоит. Если не сказать, удручает, – выдавил он через губу с важным видом.

– Удручает? В каком смысле? – только и нашелся что ответить Кранцев, невольно съеживаясь. Меньше всего на свете он хотел бы кого-либо удручать, тем более кадровиков.

– В том смысле, что вы обходными путями пытаетесь дезертировать, так сказать, уклониться от выполнения ваших нынешних обязанностей, которыми вас облачило руководство министерства и в которых оно нуждается, а вы пытаетесь пристроиться в комфортабельный Брюссель, разве не так?

– В какой Брюссель? – Кранцев уже уловил ситуацию. – Может быть, в Марсель?

– Или в Марсель, без разницы, – отозвался *Балабуrow*.

– Даже если это и правда, то что постыдного или удручающего в таком стремлении? – Кранцев решил постепенно пе-

реходить в контрастступление. – Я уже побывал в тропиках. Принцип ротации, сами говорили... Вот вы, например, в какой стране работали в последнее время, Фрол Лукич?

Чиновник оцепенел от наглости Кранцева. Но тот прекрасно знал, куда метил: бывший работник комсомола *Балаганов*, пройдя курсы в дипакадемии, был прикомандирован к посольству в теплой и прекрасной Греции, потом трудился в поте лица в холодной, но не менее красивой Финляндии, а теперь стоял на очереди в столь же приятную Канаду, хотя не владел ни греческим, ни финским языками и с трудом изъяснялся на корявом английском. Поговаривали, что, прибыв в Грецию во времена черных полковников, бравый *Барабанов* повел себя по образу и подобию Джеймса Бонда, без нужды резко менял маршруты на прогулках и оглядывался, как бы скрываясь от невидимой слежки, носил темные очки и шляпу, пряча лицо, и т. п. И в результате был тихо выслан из страны по просьбе властей как предполагаемый секретный сотрудник. С тех пор непобежденный *Балагуров* позиционировал себя как жертва современного фашизма.

– Вы здесь не шумите, Артем Васильевич, – нахмурился замнач, речь идет о вас, а не обо мне. И ваша судьба решается в данный момент...

Голос кадровика загустел, он не скрывал своего раздражения.

– Вспомните-ка, из какой дыры вы явились в Москву и были приняты в престижный вуз, – саркастически поддел он. –

А сейчас мальчик из провинции чем-то недоволен? Сколько хороших москвичей могли бы занять ваше место?!

– То есть это как? – Кранцев опешил и прищурился, но *Бабаранов* уже осознал свою оплошность: всякая форма сегрегации не допускалась в коммунистическом СССР. Но продолжил свою демонстрацию силы:

– А то, товарищ Кранцев, что вы нас интересуете только как специалист, как бы лучше сказать, по креольскому языку, специалистов по Западной Европе пруд пруди. А вы... вы готовы *сбежать, дезертировать!*

Было видно, что ему особенно понравились эти слова, многозначительные в кругу заграничников, но абсолютно неуместные в данном контексте, но *Балаболов*, желая показаться крепким парнем, решил нажимать именно на них. Серп и молот были его излюбленными инструментами.

– Где же ваше коммунистическое сознание, Кранцев? – голос кадровика приподнялся еще на полноты с явной целью подавить волю собеседника и произвести впечатление на коллег по кабинету своей непримиримостью. – Знаете, как мы поступаем с подобными «жучками»?

Дурной блеф затягивался. Кранцев знал, что у *Балалайкина* нет ни оснований, ни властных полномочий уволить кого бы то ни было. И он едва не прыснул от смеха, видя, как замнач пыжится и краснеет от гнева и досады.

Что до сознательности, то она у Кранцева находилась на своем обычном месте, особенно после его голосования про-

тив исключения из комсомола Жени Березова, товарища по работе, за «аморальное поведение», как квалифицировал его развод с женой отдел кадров по наущению мамы бывшей супруги, крупной адвокатессы. «Негодяй» Березов посмел полюбить другую женщину, с двумя детьми, и собирался жениться на ней. У Березовых же детей не было, т. к. его жена, светская львица, была против. А поскольку Женя был официальным переводчиком заместителя министра иностранных дел и часто выезжал за границу, львица лишалась валютных поступлений и периодических личных наездов в Нью-Йорк или Женеву на шопинг, если командировка мужа затягивалась. Квартира и машина, оставленные ее «неверным» мужем, не служили ей достаточным утешением, и поэтому она попросила свою маму, специализирующуюся на разводах «высоких особ», сделать жизнь Жени адом, что отчасти стало сбываться после звонков в отдел кадров МИДа тех самых «высоких особ», требовавших «положить конец разврату». Послушные кадровики рьяно взялись за дело, и Березову грозило не только исключение из комсомола, но и увольнение с желтым билетом. При этом его заслуги в переводе с разных языков на высшем уровне не были приняты в расчет. Но осечка вышла, когда заместитель министра, которого бедняга Березов чаще всего сопровождал на переговорах, затребовал переводчика в очередной раз и под угрозой срыва важных переговоров устроил форменный разнос кадровой службе за чрезмерное «усердие». После вмешательства

замминистра партиячейка тоже раздумала приговаривать Березова к «сожжению на костре» и все завершилось благополучно. Никого не уволили и не наказали. Больше всех в гонениях старался Барабуров. Кранцеву же, как и многим, было известно о допущенном кадрами злоупотреблении властью. И он решил выложить свой последний козырь.

– Думаю, что по вопросу о моих правах мне следует спросить мнение заместителя министра, – нагло бухнул он.

Реакция *Барабасова* была мгновенной.

– Ну ладно, будет ерепениться, дорогой Артем Васильевич. Уладим все по-мирному, я посмотрю, что можно сделать, – замнач досадливо вздохнул.

Но сделать он ничего не успел: стало известно, что вместо ожидаемой Канады ретивого кадровика быстро отправили с глаз долой куда-то в Юго-Восточную Азию, правда с повышением. Прибыв к месту службы, он был разочарован жарким влажным климатом страны и низким уровнем своей зарплаты, приударил от скуки за женой водителя, подрался с последним, был отозван домой и вскоре уволен из МИДа за аморальное поведение. Позднее, когда началась перестройка, в печати то и дело стали появляться подписанные им хулиганские статьи по адресу ведомства иностранных дел.

* * *

Судьба самого Кранцева решилась тоже быстро, покорная

железной воле Бальяна. Зная правила министерской игры, тот заручился предварительным согласием всемогущего Касьяна Степановича Беловенко, полномочного посла в Париже, на назначение нового секретаря генконсульства, после чего оформление заняло всего пару недель. Узнав новость, Кранцев почувствовал, как сердце его запрыгало от радости и волнения так сильно, что пассажиры, ехавшие вместе с ним в городском транспорте, стали оглядываться. Шутка ли, отбыть, и надолго, во Францию.

Но сначала, чтобы этот план не сорвался, предстояло уладить назревающий скандал с публикацией в известном издательстве романа Жапризо «Убийственное лето» в переводе Кранцева. Тот факт, что предстоящий гонорар намного превосходил его месячное жалованье, теперь был малым утешением. Редактор, выпускавший книгу, любитель «клубнички», постарался украсить сцены любви между героями романа своими буйными словесными фантазиями типа «он входил в нее толчками», «ее вопеж будил и будоражил окрестных жителей». Первый тираж разошелся мгновенно, но почти сразу сверху последовал приказ прекратить публикацию. Невезуха: дебелия супруга главы Госкомитета по печати проглотила роман в один присест на ночь глядя. И пришла в ужас от описания «скабрезных и возмутительных» сцен половых сношений. И не смогла заснуть – до того разыгралось воображение. По случайному стечению обстоятельств главе Госкомитета уже докладывали о выходе в других издатель-

ствах переводов творений западных авторов, изобилующих сценами разврата. А это уже повод для проведения строгой кампании – за три года до наступления эпохи гласности – по очищению советского книжного рынка от тлетворных произведений пресловутой и упаднической буржуазной литературы.

Официальное порицание по адресу переводчиков и издателей *некоторых* романов, неприемлемых для социалистической морали, было вынесено двумя ведущими литературными журналами. К счастью для Кранцева, его имя в печати не прозвучало, да ведь переводчик здесь и ни при чем, если издатель публикует. А если завтра ему принесут перевод «Майн кампф»? – утешал он сам себя. На самом деле он опасался не Госкомитета по печати, а реакции перестраховщиков в своем министерстве, которые, прознав об инциденте, запросто могли бы зарубить ему поездку во Францию: как же пускать на Запад такого морально незрелого? Опять же, одним вакантным местом больше в хорошей западной стране...

Выручил Дима, сын секретаря ЦК КПСС, однокурсник Кранцева, с которым Артем не раз пересекался на вечеринках в шикарной номенклатурной квартире на Кутузовском проспекте. С тех пор, несмотря на социальную грань, между ними сохранились овечьные молодостью, теплые приятельские отношения. Прямой и простой в обращении Дима не поленился обзвонить сотрудников аппарата отца и выяснить,

что переводчикам означенных книг аутодафе не грозит, то есть можно расслабиться. «А повестушка-то классная», – коротко прокомментировал он событие, удручавшее Кранцева. О достославные времена брежневского застоя: спокойная жизнь и ее правила игры были по крайней мере известны!

Успокоенный, Кранцев ничего не придумал умнее, как отпраздновать победу в компании своего давнего приятеля, франтоватого Влада Земского, ворчуна, крикуна, пьяницы и похабника. На сей раз они обошлись двумя бутылками портвейна 777, употребив их без закуски, как настоящие бомжи, в городском сквере между военной академией и домом-музеем Льва Толстого. Молодые мамы, прогуливаясь по аллее с колясками или с малышами на руках, опасливо поглядывали на двух прилично одетых молодых людей, пивших портвейн прямо из горла, и многозначительно-осуждающе показывали пальцем на «пропавших дядей». Опорожнив по очереди обе бутылки, Артем и Влад расстались, так и не сказав друг другу важных слов. Первый – потому что пропала охота ворошить недавние переживания, второй – в силу вечной погруженности в размышления о превратностях своей личной жизни.

Покинув сквер, Кранцев вышел на Зубовскую площадь, недалеко от родного института, и долго шагал по шумному и задымленному Садовому кольцу в сторону от Крымского моста. Увидев афишу на площади Восстания, он неожиданно решил пойти в кино, размещавшееся в здешней высотке. Через полчаса в темном зале он уже полусознательно сле-

дил за грустными перипетиями французского фильма «Двое в городе» с Делоном и Габеном в главных ролях. Действие картины происходило в Марселе. Счастливое знамение или простое совпадение? Впервые появилось ощущение, что заветная дорога на Запад вроде бы наконец открылась. Главное теперь – не совершить новых ошибок в предстартовый момент.

Накануне отъезда, пока еще не рассеялась угроза репрессий за «аморальный» перевод, предстояло выказать особое рвение в труде на благо родины своим начальникам и партийным боссам, которые в любой момент могли отменить назначение во Францию. То есть надо было хамелеонить по отношению к режиму, все более утомительному для души и мозгов. И Кранцев с удвоенной энергией взялся за ИБД – имитацию бурной деятельности – самый распространенный в СССР тип поведения на службе и в обществе – «самом справедливом на земле».

* * *

В Париж добрались к вечеру. Смеркалось, но фонари еще не зажглись. Это не мешало сразу уловить великолепие города-светоча. «Вот мы и в Парижске», – радостно гудело сердце. В посольстве Кранцева никто не ждал: то ли телеграмма из Москвы не пришла, то ли сообщение о переводе залежалось в папке у местного кадровика, убитого в отпуск, и он

не успел доложить о ней начальству – подумаешь, какое важное событие во франко-советских отношениях. Тем не менее щеголеватый и худощавый посланник Флавицкий любезно принял вновь прибывшего и разглядывал его вполне дружелюбно, хотя и с недоумением, поверх своих очков в позолоченной оправе. В данный момент он обеспечивал временное руководство посольством в промежутке между отъездом монументального Беловенко и приездом знаменитого Голубцова и, видимо, полагал, что появление посланца из Марселя – это какая-то задумка или интрига нового посла, и поэтому ломал голову, как правильнее поступить. А поскольку все-таки Кранцев был свой, мидовский, профессиональное сознание Флавицкого взяло верх, и он распорядился, чтобы административная служба срочно занялась командированным. Что означало разместить его *пока* в служебной двухкомнатной обшарпанной квартире на площади Сен-Клу, в нескольких минутах езды на автобусе от посольства. Сомлевший от счастья и усталости Кранцев, почти не раздеваясь, завалился на широкую кровать и заснул сном праведника до начала следующего утра.

С рассветом глаза открылись сами. Чтобы получить горячую воду в передовой Франции, надо было включить бойлер на кухне. Эдакую старомодную машину на газе, которая откликнулась дурным голосом изгоняемого дьявола, а потом заревела, как два мотоцикла. На звук тотчас же откликнулся звонок входной двери, и когда удивленный Кран-

цев ее открыл, то столкнулся нос к носу с маленькой, но достаточно злобной дамочкой неопределенного возраста, которая определено и без обиняков потребовала: «Выключите немедленно ваш мотор!» Чтобы не начинать войну с французами, обогреватель пришлось выключить, а значит, умыться и побриться холодной водой. В полутьме незнакомой кухни Кранцев доел надкушенную накануне грушу вместо завтрака, вышел на площадь Сен-Клу и пристроился за столиком в кафе «Три снаряда», чтобы съесть круассан и выпить свой первый парижский кофе. Не будучи склонным верить в *светлое будущее*, он вполне довольствовался безоблачным и приятным *настоящим*, то есть, смакуя отменный кофе, впитывал грудью и порами пьянящий воздух французской столицы, пребывая в благодном расположении духа, наподобие своего любимого литературного героя – медвежонка Винни. В этом городе, полном соблазнов, самое главное было сохранять спокойствие, не суетиться, держась подальше от КГБ и ДСТ, вместе взятых, и в стороне от всех политических партий мира, особенно от левых. «В общем, первое утро в Париже вполне удалось», – подумал он, садясь в автобус, чтобы ехать в посольство. Но уже на следующей остановке выскочил, чтобы пройти пешком бульвары Мюра и Ланн до Бункера и заодно собраться с мыслями.

Парижские бульвары – это особый мир, не столько потому, что они воспеты Монтаном, а потому, что эта неотъемлемая часть истинного Парижа дышит особой свободой и по-

этому наполняет сердце неким спонтанным восторгом. Тысячи советских граждан мечтали прошвырнуться по парижским бульварам, но только несколько сотен из них могли осуществить это въявь, и в том числе он, Артем Кранцев, меряющий бульвар Мюра своими собственными ногами.

Между тем сообщение о его переводе, после небольшой заминки, пришло-таки из отдела кадров МИДа. Дело в том, что в списке кандидатов на выезд во Францию в родном МИДе имя Кранцева не значилось – у кадровиков были на этот счет свои планы. Но к тому времени бывший посол во Франции, всемогущий товарищ Беловенко, занял пост заведующего зарубежным отделом ЦК, то есть прямого куратора выездных мидовских кадров. И по просьбе Кранцева его дружок Стас Хлебников из секретариата замминистра запросил помощника Беловенко о дальнейшей судьбе своего марсельского дружбана. И надо же, Большой Начальник подтвердил свое решение о переводе Кранцева из Марселя в Париж во имя воссоединения молодой семьи. Говорят, что дружба длится всю жизнь, на самом же деле она замечательно срабатывает в молодости, а потом постепенно выдыхается...

* * *

Посланник Флавицкий принял Кранцева уже почти как родного и сразу же сообщил, что тот определен в группу культуры и будет трудиться на ниве распространения русско-

го языка и отечественного кино во Франции. Потому что сотрудник, который занимался всеми этими вопросами, «должен был срочно вернуться на родину». Одновременно Кранцев узнал, что его семья вскоре прибудет в Париж. В общем, вроде бы можно было облегченно вздохнуть.

– *Привет, братан!* – первое, что услышал Кранцев в полутемном коридоре служебной зоны посольства. Конечно, этот бодрый голос он сразу узнал. Загорелое лицо яхтсмена, ясный взор, не допускающий сомнений. Жора, он же Георгий Тарасюк, старший товарищ по институту. Когда-то они делили с ним комнату в общежитии, без усталости бегали на лыжах, пренебрегали женским обществом как бесполезным и даже вредным для мужской дружбы, так что кое-кто их даже держал за голубых. Жора был стойким борцом за крепкую дружбу между советским и французским народами и за лучшую жизнь в личном плане, т. е. желательно без выезда из Франции. Это была уже его вторая командировка в Париж. Парень из провинции, как и Кранцев, он умудрился еще в институте прочно войти во французскую обойму, в которой доминировали блатные дети высоких лиц. Этому в немалой степени способствовала активная позиция Жоры в партийной организации. Ну и, конечно, помогало его реноме рабочей лошади и мастера «внутренней дипломатии» – кто-то в посольстве ведь должен был и делом заниматься, а не только шопингом и при этом не раздражать других.

В общем, Кранцев и Тарасюк ощущали некоторое родство

душ. В тот же вечер старший товарищ галантно пригласил новичка отведать устриц с белым вином. Сидели в простом пивбаре на Монпарнасе. На зарплату советских дипломатов в Париже особо не разгуляешься, поэтому ограничились дюжиной моллюсков и бутылкой дешевого Сансерра, главное – поболтать о Москве, институте, общем прошлом. Родство душ закрепили, тайком разлив под полой, как водится у русских, четвертинку водки. Разговор пошел легче и откровеннее о радостях жизни в Париже – к чему лицемерить – и о скрытых подводных камнях жизни в совпосольстве.

– То, что французы называют Бункером, – понизив голос, вещал Жора, – на самом деле даже не улей, а осиное гнездо, здесь ухо тебе надо держать остро, блатники недолюбливают рабочих лошадок, мол, карьеристы, а лошадок тошнит от блатников, мол, ловко устроились, паши за них, но главное – за теми и другими следит зоркий глаз «соседей», не дай бог оступиться или ошибиться – в поведении, в выборе «товарищей», в установлении связей с французами. Короче, дремать не надо, а то ужалят. Надо бдеть, бдеть и бдеть, чтобы избежать ловушек. В культурной службе традиционно много «соседей», и последний по времени, Олег Капустин, отправлен на родину без шума по просьбе французов, поэтому сменщика они будут пристально изучать и, возможно, испытывать на прочность.

«В общем, повторяется марсельская история», – грустно подумал Кранцев, вздохнул, но ничего не сказал товарищу.

– В конечном счете бояться французской контрразведки не стоит, – продолжал Тарасюк, – они со временем во всем разберутся, ху есть кто. А вот среди наших найдутся те, кто решит, что безродный Кранцев «не по праву занял их место в Париже».

Короче, выходило так, что парижский пирог не так уж сладок, как казалось издалека. «Ничего, прорвемся!» – решил про себя Артем, поднимая бокал непонятно за кого и рассматривая через плечо собеседника «настоящий Париж» за окном.

* * *

Приблудный, Кранцев все же не был чужаком в совпосольстве. Кроме небольшого рабочего кабинета на втором этаже он получил право на обладание малюсенькой двухкомнатной квартирой в жилой части Бункера, на четвертом этаже, и скромным, но приличным «пежо» для разъездов по служебной надобности, то есть в личное пользование. Номера резвой беленькой машинки, как и в Марселе, начинались с числа 115, однозначно определяя ее «советскую» принадлежность. Но буквы СД как бы обещали владельцу дипломатическую неприкосновенность. Для выезда за пределы Парижа дальше 40 км советские дипломаты в те незабвенные времена были обязаны подавать в полицию заявку с обозначением маршрута, за соблюдением которого соответствующим

шие французские службы строго следили. Делалось это на основе взаимности, так как в Москве западных дипломатов контролировали еще жестче. Но на первых порах Кранцеву и 40 км казались избытком, тут бы с Парижем разобраться, окупиться в каждый квартал жизни не хватит.

Конечно, дипломатические номера ни в коей степени не предохраняли от неизбежности: любого и каждого советского дипломата рядовые и официальные французы априори считали шпионом, засланцем или агентом влияния, то есть благоверным служителем тоталитарного советского режима и, значит, врагом свободолюбивой и демократической Франции. Шансов доказать обратное не было никаких, кроме публичного оглашения инакомыслия или измены того или иного лица. Поэтому автономера, начинающиеся числом 115, с симпатией могли быть встречены только на улице Буассьер, где располагалось общество дружбы Франция – СССР или на площади героя-полковника Фабьена, где размещалась штаб-квартира ФКП. Маленькие чертики, появившиеся еще в Марселе, корябали душу Кранцеву, хотя и не были способны испортить его отныне прекрасное ощущение просто от пребывания в Париже. *Qui vivra, verra!*? Поживем – увидим.

Прошли три долгих недели до момента, когда на Северном вокзале любящий папа наконец смог обнять свою драгоценную Аннушку вместе с мамой Светой. Багажа у прибывших было немного – все необходимое предстояло при-

обрести по парижским меркам. Весенним мартовским днем термометр в Париже показывал +8, а в Москве в день отъезда было -8, поэтому настроение и у девочек сразу задалось весеннее. Аннушка улыбалась во весь рот, осматривая незнакомый город, Светлана улыбалась более томно, осознавая суть происходящего и нежно поглядывая на мужа. Основные вопросы решены: они будут жить вместе в Париже, дочка продолжит учебу в «советской» школе при посольстве (спасибо дяденьке Беловенко), мама будет совершенствовать французский в музеях и в магазинах, готовить обеды и наслаждаться жизнью. Аннушка была рада видеть папу ничуть не меньше, чем блестящий никелем велосипед, ожидавший ее в углу комнаты. Ее большие, как у мамы, глаза блестели ярче велосипеда.

Ознакомительная прогулка с семьей по Бункеру впечатлила всех троих. Как в волшебном ящике, здесь одно за другим открывались служебные и представительские помещения, огромный концертный зал и еще один приватный, школа на добрую сотню учеников, медпункт, включая кабинет гинеколога, спортзал, магазин, бухгалтерия и множество разных подсобок и потаенных комнат неизвестного назначения. Похоже на океанский лайнер международного класса. Полная автаркия с вертолетной площадкой на крыше. Ко всему этому надо было добавить партком, скрывавшийся под именем «профком», для сплочения рядов бойцов передовой дипломатического фронта и формального наблю-

дения за моральным обликом «поголовья», как то пьянки и разврат. Неформальное наблюдение обеспечивала когорта фантоматических, т. е. неизвестных миру, но угадываемых сотрудников, коим в обязанность вменялось предупреждать случаи перебежки или, по-иностранному, defection. Этим же сотрудникам поставлялось долгом давать анонимную оценку личности и поведения того или иного дипломата, что по возвращении на родину могло обернуться некоторыми сюрпризами в отделе кадров. Но до этого момента Кранцеву было еще далеко. Пока же предстояло бежать вперед, не сбавляя темпа, преодолевая мелкие препятствия и превратности погоды.

* * *

Первые тучки появились на небе, когда Светлане предложили занять место секретаря посланника в связи со срочным отъездом мужа действующей секретарши. Работа на полдня за какие-то копейки все равно была подарком, потому что валютных копеек у советских людей за границей набегало не густо, за временные рабочие места в посольстве шла борьба, и Света подросла кстати со своими двумя языками, французским и английским, и дипломом МГИМО. Но на это место, как выяснилось, метила жена Тарасюка, довольно нахрапистая дама с дипломом строителя и, соответственно, корявым французским. Были и другие претендентки. Одна из

них, жена сына министра рыбного хозяйства, трудиться за копейки не захотела, но в коридорных разговорах обронила: мол, эта, без роду-племени, едва приехала, а уже на валюту села... «Старший брат» Тарасюк теперь сворачивал улыбку на лице при встрече с Кранцевым и смотрел волком.

Еще неприятнее поглядывал на Кранцева его непосредственный начальник, советник по культуре Дремов. Сам он, через жену, приходился родственником большому, ну очень большому начальнику в КГБ, почему и оказался в Париже, где держал себя на редкость высокомерно. Глупый фанфарон. Особое неудовольствие у него вызвал тот факт, что его подчиненный Кранцев, только прибывший в посольство, посмел не разделить его предложение осудить недостойное поведение двух известных советских писателей, находившихся в Париже по приглашению своих французских собратьев по перу. До начала горбачевской перестройки оставались считанные месяцы, застой находился в своем апогее – еще не забыли Андропова и только что похоронили Черненко. Но писатели как бы предчувствовали дыхание свободы и высказывались о делах в родной стране без оглядки на власти и тем более на посольство. К этому моменту посол Евгений Голубцов уже прибыл в Париж и по тому, как просто и внимательно он прошел по коридорам посольства, знакомясь с персоналом, стало ясно, что это руководитель нового типа, с «человеческим лицом». Дремов же то ли не понял этого, то ли, желая продолжать принципиальную (советскую) линию,

как бы советуясь с подчиненными, изложил Кранцеву свой план шельмования писателей. Согласиться с ним означало попасть в глазах посла в общий отсек с идиотом Дремовым, и инстинкт самосохранения приказал Кранцеву отмежеваться, даже ценой начальственного гнева. Хитрый Дремов, однако, открыто своего недовольства не показал, записку о писателях послу направлять не стал, но обиду затаил.

Повод отомстить представился быстро. Посольство готовилось к подписанию очередного двустороннего соглашения о сотрудничестве в области кино, для чего из Москвы прибыл самолично глава Госкино, жирный кот, избалованный вниманием льстецов и подлиз всех мастей. Борец за чистоту советского киноискусства любил останавливаться в Париже в самом дорогом отеле «Георг Пятый» и столоваться в отборных гастрономических ресторанах за счет братской фирмы «Галактика», жившей в основном продажей популярных французских комедий и боевиков в СССР. «Галактика» была частью общей системы добывания средств для братской французской компартии. Верхушку системы занимала транснациональная компания «Агроэкс Интернациональ» во главе с «красным» миллиардером Демаресом. Это через нее в голодные советские края поступали сливочное и растительное масло, сахар, мука и прочие нужные для здоровья продукты питания. Поэтому экспорт и импорт кинофильмов, турне Большого театра и ансамбля Моисеева, как и все остальные источники материальной поддержки фран-

цузских коммунистов, находились под самым пристальным контролем руководства ЦК КПСС. Для этого в совпосольстве в Париже существовала специальная должность – первого секретаря по связям с французской компартией.

В роскошной представительской гостиной посольства важный гость как раз беседовал с медоточивым Дремовым, когда Кранцев появился в дверях. Советник небрежно помянул его пальцем:

– Дорогой Артем Васильевич, а как у нас обстоят дела с окончательной редакцией соглашения?

Советник обратился к подчиненному вполоборота, не покидая взглядом большое начальство.

– Не могу знать, Виталий Сергеевич, вы мне не давали текст, – пробормотал смущенный Кранцев.

– То есть как? Что вы мне тут рассказываете? Если вы не выполнили задание, так признайтесь сразу.

И повернувшись к министру, развел руки:

– Полюбуйтесь, Андрей Савельевич, вот зачем нужны советники в посольствах. Ничего нельзя поручить подчиненным. Нужен глаз да глаз...

Большой начальник снисходительно осклабился.

– Молодежь... Ничего, созреют со временем. Будут посерьезнее.

Кранцев позорно ретировался, отправившись на поиски злополучного текста. Сцена была разыграна в назидание, так сказать, в воспитательных целях. Такие «мелочи» не могли

не огорчать и не настораживать сверхчувствительного и обязательного Артема. Курсы по освоению искусства «придворного этикета» ему еще предстояло пройти на практике. И уроки надо было усваивать. Чтобы уметь защищаться и не подставляться.

* * *

Ненападение всегда было принципом Кранцева в его еще не такой долгой жизни, хотя пактов об этом он ни с кем никогда не подписывал. В условиях непрерывного «ведения боев местного значения в прифронтовой полосе» его пока считали новичком, посторонним. Да и сам он любил порой изображать чудака, считая это лучшим способом защиты от агрессивной среды. А именно такой была среда и внутри посольства, и за его стенами. В эпоху ракет средней дальности СС-20, нацеленных на Европу, его родина всем внушала страх и неприязнь. Пребывание во Франции с клеймом «советский» подчас походило на преодоление опасной трясины или на прыжки на резинке с моста: ошибешься, оступишься-сорвешься, пропадешь. Средства массовой информации вкуче с французскими интеллектуалами гневно клеймили «империю зла». Москва отвечала тем же. Если во Франции все советские дипломаты априори считались шпионами и не выпускались за пределы 40 км без ведома полиции, то все западные дипломаты в Москве таковыми считались вдвойне

и, соответственно, тоже не могли свободно топтать российскую землю.

Соблюдать заявленный в полицию маршрут быстро стало навязчивой идеей трусишки Кранцева. Шаг в сторону считается... и прощай, Франция. В памяти прочно засела планировавшаяся в Марселе, но, к счастью, несостоявшаяся поездка с друзьями-коммунистами в Sanjuers, что рядом с полигоном тактического ядерного оружия. Впрочем, у нынешних регулярных поездок Кранцева из Парижа в университеты Гренобля, Ренна, Тулузы или Бордо сложилась своя специфика: за ним ненавязчиво, но упорно следовала рядовая машина с обычным номером и двумя пассажирами. Видимо, на случай, если бы ему вздумалось совать свой нос в военные секреты Франции вместо чтения лекций по русскому языку. Пару раз, заплутав в незнакомом городе, Кранцев выходил из своей машины и обращался за справкой к пассажирам машины, следовавшей за ним, и всегда получал нужную информацию. Поначалу он рассматривал это сопровождение как ту самую «провокацию», о которой многократно твердил сотрудникам посольства офицер по вопросам безопасности Харламов, пока однажды более опытные коллеги не разъяснили ему целесообразность подобных действий французов: в Гренобле, например, куда частенько наведывался Кранцев, располагался Национальный центр ядерных исследований, и не дай бог ему было уклониться от дороги в местный университет.

Однако, несмотря на окружающую их тревожную, далекую от дружеской атмосферы, советские командировочные в Париже шибко не тужили, если вообще потихоньку не ликовали – лишь бы чудо продлилось еще немного. Лично Кранцеву хватило бы и десятикилометровой зоны вокруг Парижа – столько было волнующего и притягательного в любом квартале города-светоча, если не считать запруженный неграми Барбес-Рошешуар или абсолютно арабский Бельвиль-Менильмонтан. Как и в Марселе, ему было жалко смотреть на то, как французы неизвестно зачем и так легко отдали свою страну, свои устои, свои культурные достижения на расхват безалаберным выходцам третьего мира – от комплекса колониальной вины, что ли? Было досадно видеть, как гениальный и шикарный Париж погружается в трясины тривиальной мировой серости и убогости с дешевым магазином «Тати», Макдоналдсами и лавками с шаурмой на каждом шагу, которые постепенно начинали вытеснять классические парижские кафе и бистро.

Чего греха таить, совкомандированные тех лет сами недалеко ушли от третьего мира с их мизерной зарплатой и ограничениями. В том же «Тати» с восторгом отоваривались все приезжие из-за «железного занавеса». И поэтому в советской колонии в Париже, как и в самом СССР, более или менее успешно сосуществовали несколько слоев или каст. На самой верхушке, по могуществу и зарплате, находился товарищ Посол, который при первой возможности покидал свой

рабочей кабинет на бульваре Ланн, чтобы укрыться в своей роскошной исторической резиденции на улице Гренель или в загородной резиденции в Марль-ан-Бри. Только он и еще два-три приближенных советника беспрепятственно могли общаться с парижской элитой – политической, экономической, артистической – в самых недоступных для простых смертных местах типа ресторанов «Тур д'Аржан» или «Фукетс». Рабочая масса дипломатов представляла собой хорошо оплачиваемый (по советским меркам), хотя и несколько изолированный от массы французов (не иметь порочащих связей!) слой счастливиц, наслаждающихся шопингом и туризмом на своих скромных служебных автомашинах. Высокообразованный и достаточно космополитичный, этот контингент, тем не менее, весьма дорожил своей привилегией работать на государство в такой прекрасной стране, как Франция, и поэтому был самым дисциплинированным. Особым преимуществом советских дипломатов считалось тогда наличие специальной волшебной карточки для скидок на товары в престижнейшем суперунивермаге Галери Лафайет – каприз Макса Хейльбронна, владельца магазина с российскими корнями.

Более свободную, но более расхлябанную публику составляли журналисты и преподаватели, которые жили бедно, зато бравировали своими обширными личными связями с французами. Это не мешало им безосновательно сравнивать свои доходы с французскими коллегами и ворчать по

этому поводу. Впрочем, зарплаты совдипломатов тоже были копеечными по сравнению с французскими дипломатами, так что ворчание или скрытое недовольство в советской колонии было нормой. Про себя Кранцев не переставал поражаться тому, каким образом и по каким причинам, несмотря на очевидную разницу режимов и образа жизни, на прохладу политических отношений между двумя странами, невзирая на сокрушительную критику всего советского французской прессой, во Франции, в этой удивительной, свободолюбивой стране оставалось полно друзей Советского Союза – из упрямства, любопытства или мечтательности. Сам он не искал сближения с французами, что, в любом случае, могло только осложнить его и без того нервную жизнь в капстране под надзором родной политической тайной полиции и чужих спецслужб. И какими бы славными ни были французские друзья, его все равно держали за шпиона или подручного КГБ. Со своими тоже было лучше не сближаться: не знаешь, кто, когда и почему на тебя стукнет. В конце концов Кранцев избрал единственно верный, по его мнению, образ действий – ссылаясь на занятость по работе или с семьей, не вовлекаться в коллективные игры под названием «сплочение коллектива советских командировочных», но и не откалываться демонстративно от большинства. По-спортивному он называл это «одиночным заплывом на дальнюю дистанцию с задержкой дыхания».

Третью категорию советской колонии в Париже составляли технические работники посольства и торгпредства, именуемые в просторечии *техсостав*, – врачи, преподаватели посольской школы, шифровальщики, завканцы и машинистки, дежурные коменданты, водители, повара, уборщицы, горничные, сантехники, слесари, плотники, разнорабочие, всех не перечесать – уйма народу. Это был самый ворчливый контингент, потому как самый малооплачиваемый, безъязыкий, безлошадный, ограниченный в средствах и передвижении и потому всегда и всем недовольный. Ютился этот люд в маленьких посольских каморках, многие с детьми, в тесноте и в страшной экономии валюты. Некоторые не гнушались покупать собачью еду, но, правда, не отказывали себе в выпивке по-русски, благо что водка в посольском магазине стоила в разы меньше, чем в городе. Лучшей закуской считались огурчики или капуста-ка личного засола и батон духовитой и недорогой французской вареной колбасы с чесноком. Кое-кто пек хлеб из доступной по цене муки. Техсостав не задерживался долго на загранработе: два-три года – и домой. Но многие умудрялись за этот срок накопить на автомобиль, нередко ценой приобретения язвы желудка. Бельгийские гаражисты в ту пору ловко приторговывали в соседней Франции подержанными «Волгами» и бы-

ли счастливы отделаться от зачастую поржавевшей и не пригодной для Европы груды железа. Большинству из желчных, ноющих и безалаберных техработников была свойственна зависть и неприязнь к дипломатам, советское воспитание требовало уравниловки, и привилегии других раздражали. Две стихии тесно соприкасались и зависели друг от друга по службе, но редко сходились в приватной жизни. Слишком разными были взгляды, характеры, условия существования и интересы.

Преподавателями русского языка во Францию направлялись преимущественно женщины, причем не очень молодые и не очень красивые, видимо, с расчетом на наименьшее количество невозвращенок. Кранцев втайне завидовал их свободе общения с французами, но утешался преимуществом своей зарплаты и своего положения. Преподавательницы были разбросаны по всей стране, и в обязанности Кранцева входило регулярно наведываться в университеты и коллежи, в которых преподавали русистики, как бы для контроля за качеством их работы и, негласно, за «состоянием морали». Поэтому бедные и чаще всего одинокие дамы, с одной стороны, были рады нечастым набегам «родного», посольского человека, а с другой – держали его за соглядатая или разведчика, т. е. доносчика, что вызывало закономерный страх, скрываемый подобострастием.

Некоторые, приезжая в Париж, посещали посольство и, попросившись на прием к Кранцеву, робея и краснея, пы-

тались наушничать или откровенно стучать на коллежанок, хотя никто их об этом не просил. Об «образе» Кранцева в глазах педсостава ему однажды поведала одна из преподавательниц в университете Бордо после сытного ужина, с изрядной выпивкой за счет французских коллег. В знак откровенности, лояльности и готовности «служить родине», разомлев от еды и вина, она усиленно давала понять, что не прочь бескорыстно отдаться молодцеватому и поджарому дипломату, но в ту пору тот еще не обрел вкус к перезрелым женщинам, хотя обещал подумать. Слыть чекистом в академической среде французских русистов Артему совсем не улыбалось, но ничего поделаться с этим было нельзя, как нельзя было запретить людям думать и фантазировать. От всего этого в тревожной душе Кранцева копилось все больше грусти и сомнений.

* * *

Гром грянул одним совсем не прекрасным апрельским утром. К этому времени Светлана вполне освоилась в роли секретаря второго лица посольства, через нее практически шла вся легальная официальная переписка с французскими ведомствами. Так что Кранцев одним из первых узнал о существовании секретного списка 47 советских дипломатов, высылки которых собирались потребовать французские власти. Артемово сердце-воробышек мощно забилося от нехо-

рошего предчувствия. Точно так же его сердце билось еще в начальных классах школы, когда учительница объявляла, например, что у Пети Челнокова украли перочинный ножик и лучше бы его отдать, пока не поздно. Тёма Кранцев всегда боялся, что подумают на него, и страшно краснел. Но Света сразу успокоила мужа, просипев в трубку:

– Не волнуйся, нас в списке нет.

От сердца сразу отлегло, но забилась новая мысль: а кто в списке? Через десять минут в приемной советника-посланника любопытство Кранцева было удовлетворено. За исключением двух имен детей видных сановников КГБ, вставленных для острастки, в назидание или в отместку, черный список был полным и безошибочным. Фигурировали в нем и марсельские коллеги Кранцева, кроме одного, самого главного, и это было загадкой. Далекий от шпионских разборок и тайн Артем Васильевич не мог знать тогда, что высылка – дело рук изменника, агента под кодовым именем Фаруэлл, который из любви к Франции и нелюбви к абсурдному советскому режиму решил нанести ему ущерб, сдав советскую разведсеть на Западе. Спустя много лет, когда подоплека дела будет опубликована, Кранцев узнает, что тогдашнее правительство социалистов во Франции, желая добиться расположения Вашингтона, косо на него смотревшего, передало материалы Фаруэлла американцам, а оттуда утечка попала в КГБ, за что доброволец поплатился жизнью.

Весь следующий день, когда сотрудников посольства опо-

вестили об «очередной провокации французских властей», Кранцев еще не верил, что его нет в списке. А когда вдруг осознал, то на радостях, тайком от Светы, дома заглотив две порции любимого виски «Джей энд Би» вместо обычной одной. Лед не клал совсем. Это означало – выжить и остаться в Париже еще на какое-то время. Утешение и очищение одновременно. Спасибо марсельскому полковнику Такису – он честно выполнил свой долг и не стал приносить бедного Кранцева в жертву идеологическим пристрастиям своего правительства. А мог бы.

Массовый отъезд проходил на редкость спокойно, без суеты и без видимой досады. В конце концов, как сказал французский комментатор ТВ: «шпионы» возвращаются к себе домой, а не следуют в тюрьму, чего им огорчаться? Что должно было случиться, случилось. Никаких резких высказываний против Франции, никаких косых взглядов. Отъезжали люди, выполнившие свою работу. Или команда, проигравшая матч. В чем состояла эта работа и этот матч, Кранцеву было неизвестно. Он с детства чурался тайн, всякой секретной деятельности, и его собственная тайна, холодившая сердце время от времени, но пока не имевшая последствий, как бы уже перестала существовать, растворилась в воздухе Парижа.

Оставшиеся ликовали, но старались сильно этого не показывать. Ясно, что на сей раз в матче победил МИД. В коллективе стало намного яснее, кто есть кто. Отъезжавшие дер-

жались достойно и смиренно. Конечно, обидно было покидать прекрасную Францию при таких обстоятельствах, но в том и состоял риск выбранной профессии. Телекамеры многочисленных компаний через решетки совпосольства жадно ловили малейшее отклонение от нормы и никак не находили его. Высланные держались в тени в прямом и переносном смысле. Реклама ни к чему. Прокол случился в лице кранцевской Светланы, которая недолго думая решила выйти на свет и пересекла посольский внешний двор, чтобы попрощаться по-людски с подругами, грузившимися в автобус. Камеры дружно застрекотали: еще бы, миловидная «шпионка» позирует без комплексов и любезно улыбается, демонстрируя чистую совесть. Естественно, журналистам было невдомек, что эта женщина остается и поэтому так беспечна. Но вечером Кранцев с женой уже видел на экране Светлану под аккомпанемент самых невыносимых по дурацости комментариев и с укоризной смотрел на свою наивную подругу жизни. Так подставиться!

Неприятное ощущение усугубил Марк Клопсфельд, профессор русского языка из Гренобля, который позвонил на следующий день, чтобы проверить, выслали ли Кранцевых тоже. Узнав об обратном, он для порядка заявил о своей радости и добавил, как думал, наверное: «Тебя не выслали, Артем, потому что ты самый хитрый и не попался с поличным». Шутка была явно неуместна. Несмотря на чувство облегчения, Кранцев задумался над смыслом сказанного Мар-

ком – немногие оставшиеся французские друзья и многие, кто мгновенно испарился, действительно будут держать его за «самого ловкого», но шпиона.

После отъезда «грешников» каждый оставшийся чувствовал себя так, словно получил от папы римского индульгенцию на отпущение грехов. Улыбки стали более широкими, анекдоты и шутки в коридорах – более смелыми, хотя окна рабочих комнат, выходящие на бульвар Ланн, по-прежнему остались запертыми и зашторенными. На окнах же, выходящих во внутренний двор посольства, штор никогда не было, и из своей квартиры на четвертом этаже семейство Кранцевых, особенно маленькая любознательная Аннушка, могли наблюдать внизу оживленный людской муравейник сотрудников. И несостоявшийся «шпион» Кранцев наконец-то мог сосредоточиться на приятных сторонах парижской жизни.

* * *

Париж для Артема никогда не был просто городом. Это был символ, целый мир. Судьба. Жизнь. Вобравший в себя дух и опыт лучших представителей нескольких поколений русской эмиграции, Париж действительно сиял в воображении и наяву. Сам его воздух, по меткому выражению кого-то из видных эмигрантов, был пронизан особым ощущением свободы. Для Кранцева он стал сладким наркотиком,

даже если бы пришлось провести здесь всего несколько дней. Парижский шарм ласкал, ублаживал, согревал сердце, а сама принадлежность к парижской толпе компенсировала отсутствие кредитных карточек у советских дипломатов и отсутствие счета во французском банке. И то и другое советским было настрого запрещено, а в случае вскрытия такового факта подлежало немедленному пресечению и высылке на родину с последующим расследованием мотивов. Чем больше времени отводилось на жизнь в этом уникальном месте, тем яснее становилось, что покинуть его будет мучительно, если не невозможно, без острого чувства ностальгии. Кранцев говорил сам себе, что даже тяжелобольным полез бы на холмы Монмартра, чтобы еще раз взглянуть на пепельно-серые, сизые крыши и позолоченные купола города-светоча. Для него это был не туристический Париж Нотр-Дама, Лувра и Эйфелевой башни. Это было место скопления и смешения прекрасных человеческих страстей и талантов, дерзаний и разочарований, жизнелюбия и страданий, которые производили неповторимое бурление чувств в душе и теле при самом непритязательном проходе по кварталу Марэ или по улице Муфтар. Поразительно при этом, что великолепие самых шикарных парижских кварталов вовсе не подавляло неприкаянного и никому не интересного здесь молодого дипломата советского разлива. Ему даже казалось, что он прикасается к вечности, бессмертию, святости.

Однако автор хроник Святого Артема ошибется, если бу-

дет утверждать, что сердце Кранцева учащенно билось только от соприкосновения с городом Парижем. Где-то в середине мая новый лучик солнца вспыхнул для него с появлением в приемной посольства куколки по имени Жюли Тессари, юной и очаровательной француженки, пришедшей подать заявление на продление стажировки в Московской консерватории по классу скрипки. Озарив Кранцева лучезарно-небесной улыбкой, девушка сообщила, что очень любит русскую музыку и что у ее папаши-бизнесмена достаточно средств, чтобы оплачивать ее пребывание в Москве. То есть нужно только разрешение на продление стажировки, и никаких затрат для советского государства не предвидится. Кранцев, тоже своего рода артист, моментально ухватил волны, посылаемые тонкой душой и еще более – тонким тельцем юной скрипачки. В ее бездонных глазах он ощутил огонь и прочитал необузданную силу желаний, нечто такое, чего уже давно не находил в соплеменницах. Он машинально предложил посетительнице сесть на безвкусный, но помпезный диван в банальной приемной комнате посольства и, чтобы продлить мгновения встречи, завел какой-то нудный разговор из серии вешания лапши на уши. Лишь бы еще немного полюбоваться веснушками на фарфорово-бледном лице девушки, лазурной голубизной глаз и роскошными волнистыми волосами с рыжеватым отливом.

В завершение беседы, сам себя не помня от неожиданно-го волнения, он зачем-то предложил встретиться в городе,

попить кофе и поболтать о музыке. И самое странное, что девушка согласилась. Похоже, оба уже догадывались, каков будет истинный повод для встречи и сюжет для разговора. Только когда за посетительницей захлопнулась дверь, Кранцев услышал над головой шелест крыльев своего ангела-хранителя и его невнятный шепоток: «Ну ты даешь, Артем, рискованный ты парень!» Но желание еще раз дотронуться до этих изящных рук, обнять эти хрупкие плечи оказалось сильнее предостережения.

* * *

Еще бы! Советский дипломат в середине 1980-х годов на Западе, как учили компетентные органы, должен быть особо осторожен и бдителен. И уж подавно воздерживаться от сердечных авантюр. Каждый раз, когда Кранцев предлагал свидание горячей Жюли и подолгу сидел с ней в машине с номерами 115 за запотевшими стеклами, напрягаясь от смутной тревоги, она спрашивала, почему они не могут встречаться открыто, на людях, где-нибудь в кафе или, например, у нее дома, на острове Сен-Луи, где она живет с мамой. Иногда Кранцева посещала мысль: а что, если французская контрразведка подставила ему прекрасную Жюли, но он тут же сам себя успокаивал, говоря, что такая затея была бы слишком дорогостоящей (завербовать, мотивировать и обучить шпионским премудростям юную скрипачку) и малопродук-

тивной (без интима нет и повода для шантажа, тем более для вербовки). Впрочем, боялся он не столько французских службистов (как-то удастся от них отбрыкаться), а своих, суровых и беспощадных бойцов невидимого фронта (не отбрыкаешься) – кто знает, сколько их, незаметных, рассеяно в пространстве, даже после высылки 47? Кто поверит, что Кранцев с француженкой только болтают об исторических культурных связях двух народов и дальше юношеского петтинга еще не продвинулись? Короче, никаких кафе, никаких прогулок по набережным Сены, никаких хождений в народ.

В машине, действительно, ничего поражающего воображение любителей острых ощущений не происходило. Кранцев каждый раз решительно гасил порывы передовой девушки наклониться и перейти к более предметным ласкам, а сам млел от ее близости, волнуясь, как мальчик, от прикосновений ее маленькой груди и жадных губ.

В глубине его существа таилась надежда, что однажды можно будет дать волю распиравшим его чувствам, а пока надо сдерживаться, время еще не пришло. С такой девушкой может быть только настоящая, честная любовь. Поэтому они сидели, подолгу прижавшись друг к другу, с закрытыми глазами, боясь разрушить короткие мгновения зыбкого счастья, молча касаясь пальцами горячих щек, холодных ушей и растрепанных волос друг друга, давая волю только губам, теряя всякое понятие о времени. На каждое такое свидание Жюли приносила плитку шоколада «для поддержания сил»,

как она объясняла, потому что после долгих и мучительных поцелуев чувствовала, что теряет силы. «Когда мы сможем нормально любить друг друга?» – не уставала при этом спрашивать девушка. Для Кранцева же вопрос был излишним, так как он считал, что любовь уже объединила их, пусть и без высшего слияния тел. Станным образом неодолимое влечение к этому небесному созданию перекрывалось у него зудящим нутряным страхом прегрешения, если вообще не парализовало его душу и тело типичного совка. К этому страху примешивался страх обмануть и разочаровать такое доверчивое и такое нежное существо. Он ненавидел своего двойника, желавшего вести себя ответственно, по-мужски, в этой ситуации, но мысль о неминуемых последствиях совершенно подавляла его волю. Кто ты, спрашивал он сам себя, отдаляя решительный момент: садомазохист или просто трус? Ответ напрашивался сам собой. И в конце концов Жюли пришла к правильному выводу.

Их последняя встреча стала лишь очередной занозой в сердце Кранцева. Идиотская идея – принять приглашение матери Жюли на ужин. И не просто мамы, а весьма привлекательной зрелой дамы, решившей этим приглашением закрыть навсегда больной вопрос – встретиться лицом к лицу и окончательно ликвидировать, по ее мнению, немолодого и к тому же русского поклонника своей дочери. Для ее же блага. Жюли с глазами, полными слез, молча наблюдала за словесной перепалкой двух заумных взрослых людей, с тру-

дом ухватывая суть витиеватых, саркастических фраз. Она уже предчувствовала, что ее Артем скоро исчезнет, так и не исполнив с ней акт «нормальной любви», что она просто отказывалась понимать. Кранцев же и впрямь чувствовал себя настоящим подлецом, обманувшим ожидания юной возлюбленной, и с облегчением, как руководство к действию воспринял прозрачный намек мамы на желательность его быстрого исчезновения из жизни дочери. Эти слова как бы зависли над прекрасным сервизом саксонского фарфора и бокалами редкого бургундского вина, украсившими стол в шикарном жилище небедных родителей Жюли.

После кофе влюбленные поднялись на второй этаж в комнату Жюли, и там Кранцев еще острее кожей ощутил присутствие мамы внизу. Оба понимали, что это место тоже не позволит их телам слиться воедино и еще больше разъединит их навсегда. Жюли для вида взяла скрипку, как бы защищаясь от последнего, никчемушного поцелуя Артема. Слушая ее сдавленные рыдания, Кранцев окончательно проникся отворачиванием к самому себе. Своими руками устроить муку ангельскому существу, отвергнуть такую близкую, возможно, неповторимую любовь просто из страха... Ну просто козел.

Солнце в небе, конечно, не померкло после Жюли, но стало светить гораздо слабее. А пропасть в душе Кранцева увеличилась на несколько сотен метров, но все же дна не достигла, и заглядывать в нее вовсе не хотелось. Ведь у него оставались дочь Анюта, жена Света и Париж.

Увы, быстротечная парижская любовь Артема Кранцева пришлась на время, когда на галльских просторах и в столичном граде Парижске, за задраенными окнами советского посольства, шла «обычная холодная война». Ее раскаты то и дело гремели вокруг импозантного здания на бульваре Ланн, которое саркастичные французы прозвали Бункером. Особенно в развенчании советской идеологии усердствовали тогда «молодые волки» французской философии Бернар-Анри Леви и Андре Глюксман. Гневно клеймил советский режим знаменитый французский певец и бывший коммунист Ив Монтан, когда-то посетивший Москву 1950-х и разочаровавшийся в коммунизме. Французские артисты помельче не брезговали мелкими пакостями. Один тогда еще не очень известный комик снялся в убогой пародии на убогую советскую действительность под названием «Твист эгейн в Москве», а маститый актер и «знаток» России азербайджанского происхождения, он же незабвенный Жоффри из «Неукротимой Анжелики», выпустил глупейшую ленту под названием «Красная икра», действие которой почему-то он перенес в тихую Женеву. В этом фильме советские агенты, одетые а-ля русс в зипуны и тулупы, в саду особняка, почти в самом центре европейского города, жгли костры, пили горькую и пели хором тоскливые песни, перед тем как

замочить свою очередную жертву из числа невинных местных жителей. Сильный, но буржуазный певец Мишель Сарду тоже отметился в этом жанре обличительной песней, адресованной прямо покойному Владимиру Ильичу. А другой певец, послабее голосом, сочинил какую-то ритмичную дребедень про девушку по имени Ивановна, которая не может уехать к любимому за границу, т. к. владеет каким-то «государственным секретом». Интересно каким?

Короче, атмосфера для жизни и работы на берегах Сены была еще та, не утешала никакая Эйфелева башня. Как и ожидалось, французы, даже друзья, видели в советских дипломатах только шпионов или агентов влияния. На душе у советских было грустно, потому что оставшиеся чувствовали-таки себя «агентами влияния», как их называли в прессе. Скажем прямо, чувств истинной дружбы у французской стороны к СССР на самом деле никогда не существовало, были стратегические интересы. Но никаких указаний в ответ на высылку поливать грязью Францию совдипломаты не получали. Советский народ и его руководители упорно любили французов и Францию, несмотря на нашествие Наполеона, Крымскую войну, Антанту и даже вопреки всему этому. Но именно советским дипломатам приходилось расплачиваться за недалекую внутреннюю и внешнюю политику Москвы и принимать на себя оплеухи и плевки французов, возмущенных, например, неразумным и жестоким обращением советских властей с творческими деятелями. Вокруг здания

посольства не прекращались демонстрации и пикеты – то из-за высылки академика Сахарова в Горький, то из-за сбитого пассажирского южнокорейского «Боинга», то из-за других благоглупостей и ошибок в действиях «мудрого» советского руководства.

Часть плевков перепала и Кранцеву. Уже тогда известный за рубежом кинорежиссер-новатор, автор трогательного «Ежика в тумане» удостоился специальной премии Международного фестиваля мультипликационных фильмов в Анси за свою картину «Сказка сказок». Самого режиссера на церемонию вручения премии по каким-то там причинам не выпустили, поручив забрать ее сотрудникам совпосольства. И Кранцева отправили в Анси, очаровательный буржуазный городок на берегу одноименного озера. Но красотой древней Савойи он насладиться не смог. Получать премию за режиссера ему пришлось выйти на сцену, краснея от стыда, под улюлюкание и свист зала. История в точности повторилась с премией, присужденной картине «Чучело» другого известного советского кинематографиста, на фестивале фильмов для юношества в небольшом французском городке Ланоне (хотя через два года фильму была присуждена Государственная премия СССР). И опять Кранцев вышел на сцену получать приз под свист и презрительные выкрики толпы.

Надо сказать, что за пределами души Кранцева жизнь в посольстве протекала в целом положительно. Регулярно, раз в месяц, проходили заседания партячейки, обсуждали всякую несусветную чушь – последние решения пленумов ЦК или персональные дела. Все тот же кондовый язык, идиотские, пустые и никому не нужные лозунги, засорявшие воздух Страны Советов уже которое десятилетие. В Париже они звучали особенно абсурдно и вместо обычного раздражения стали вызывать у Кранцева улыбку. Французская каппействительность разительно и вполне понятно, в какую сторону, отличалась от заунывной советской. И не только отсутствием очередей за туалетной бумагой. Достаточно было видеть уморительное рвение парторга Тютикова, толковавшего, отработывая свою цековскую зарплату, про какие-то нормы коммунистической морали, советский патриотизм и идейную сплоченность советского коллектива во Франции. На каждом собрании товарищ секретарь неизменно выходил на одну и ту же стратегическую фразу типа «некоторые рассчитывают тут отсидеться под корягой» или «мы не дадим некоторым отсидеться под корягой» и т. д. Кранцев представить не мог, откуда он взял эту «корягу», и его разбирал смех. Суть этих проповедей партсекретаря сводилась к регулярным рапортам в ЦК о «непоколебимой поддержке со-

трудниками посольства СССР во Франции внешнеполитической линии КПСС и лично ее генерального секретаря» – Брежнева, Андропова или Черненко, один хрен. Ясно, что в реальной жизни ни один совсотрудник не видел эту самую линию и думать не думал про нее наедине с собой. А больше помнил о том, например, что жена Лени Цыбина, первого секретаря посольства, по странному совпадению, приходится внучкой товарищу Черненко. И что Леня – большой любитель марочного французского коньяка и других тонких напитков. Особенно на халяву.

Посольские школьники, естественно, тоже следовали линии партии. Одним из первых художественных достижений пухленькой и зардевшейся Аннушки на школьном концерте было исполнение очень интернационального кубинского танца вместе с одним мальчиком из класса на сцене и парт-оргом Тютиковым в первом ряду. На следующем концерте Кранцев уже лицезрел доченьку читающей трогательное стихотворение с высоким гражданским накалом:

*Я маленькая девочка, играю и пою,
Я Ленина не видела, но я его люблю.*

В то же самое время под давлением строгого партсекретаря посол-либерал Голубцов пресек поползновения незрелой части сотрудников посольства пристроить своих *идейно чистых* деток на продленки в *сомнительные* французские

школы, где они могли бы *заразиться* чем-нибудь буржуазным. Посольский доктор, по указанию партсекретаря, даже научно подкрепил это решение заключением, что «французские школы кишат вшами, разного рода вирусами и бациллами», поэтому их посещение нецелесообразно. Хорошо еще, что, по наущению парторга, в посольстве не были отключены шесть принимаемых программ французского телевидения. Так что Аннушка не лишилась возможности совершенствовать свой французский, а родители – припадать к французским реалиям через экран телевизора. И надо сказать, что регулярные и обильные поливы всего советского ехидными французскими журналистами помогали, так сказать, воочию осознавать факт проходившей за окном идеологической войны.

* * *

В каком-то смысле культурная служба посольства стояла особняком от политических баталий. Дипломаты «основных направлений» (политика, экономика и т. п.) взирали на «культурников» свысока, не признаваясь, что им осточертело видеть кислые лица бюрократов из Кэ д`Орсэ и что на самом деле им завидно знать, что служебные обязанности некоторых товарищей по работе состоят в том, чтобы присутствовать на концерте французской эстрадной звезды во Дворце конгрессов, известного симфонического оркестра в

зале Плейель или на вернисаже модного художника. В качестве особого подарка Кранцев воспринял сообщение о скором отъезде на родину своего начальника Дремова. Действительно, тот вскоре покинул Париж все с тем же надменным и недовольным видом, наподобие героя французского водевиля о Супердюпоне, который прославился тем, что получил золотую пулю в задницу.

После его отъезда Кранцев имел возможность еще много раз убедиться в торжестве искусства над политикой, хотя и мучился от необходимости представлять страну ГУЛАГа в стране мушкетеров. К тому же его кумир, незабвенный Ив Монтан, в эту же самую пору уже перешел в стан самых ярых противников несчастной Страны Советов, где, по его выражению, не было «ни свободы, на милых маленьких радостей», то есть благополучия основной массы рядовых жителей. Утешением служило то, что многие другие известные французские артисты, с которыми приходилось встречаться Кранцеву, плевали на политику и не гнушались общением с «забавным» сотрудником совпосольства.

Большим сюрпризом и огромной радостью стало, например, согласие самого грандиозного итальянца во французском кино Люка Винсенте поехать в разгар холодной войны на Московский международный кинофестиваль, бойкотируемый многими западными киноактерами. Установить контакт Кранцеву помог знакомый профессор русского языка из Сорбонны. Получив подтверждение по телефону, он по-

мчался в бюро «Аэрофлота», расположенное в самом центре Елисейских Полей, чтобы забрать билеты на самолет для кинозвезды. Там, к своему удивлению, он обнаружил, что звезде предусмотрены билеты экономического класса. На его возражения плюгавый начальник бюро с кривой улыбкой и довольно высокомерно ответил, что г-н Винсенте для него – обычный пассажир и никаких других указаний из Москвы на его счет не поступало, а на рекламу ему наплевать. К счастью, экипаж авиалайнера думал по-другому, и, когда Кранцев подвел знаменитого Люка к командиру, у стюардесс округлились глаза и открылись рты от восхищения. Они наперебой обещали посадить любимого артиста в первый клас и угостить, как положено по законам русского гостеприимства.

Через четыре дня Кранцев встречал актера на выходе в аэропорту Шарль-де-Голль – Руасси. Уже в машине итальянец расчувствованно признался:

– В общем, дело было так. Ваш министр кино, как его там, сложное имя, на третий день пришел в отель пожать мне руку. Между тем у меня было время прогуляться и посетить этот, как его, ГУМ, большой магазин на Красной площади. Должен сказать, что мясо на прилавке-то не очень. И уж больно много народу толпится... очереди. А вот журналисты ваши – симпатяги, много их пришло на встречу, похоже, смотрят французское кино.

В своем далеком провинциальном детстве привыкший к нескончаемым очередям на 30-градусном морозе Кранцев усвоил простую истину: чтобы не замерзнуть, надо двигаться. Согреваться желательно бегом или быстрой ходьбой, удаляясь как можно дальше и быстрее от места холода. С тех пор он и предпочитал бег в качестве способа перемещения по дороге в школу или для встречи с друзьями, а также в надежде удалиться подальше от своих забот и тревог. С того момента, как в качестве неожиданного подарка ему был преподнесен Париж, интенсивность виртуального бега усилилась. Надо было оставаться на беговой дорожке и преодолевать препятствия, решая, как поступить дальше со своей жизнью, лавируя между двумя реальностями: внутри и за пределами стен посольства. Но в отличие от героев Годара дыхание ему все же удавалось переводить. В конце концов, он же был искусным советским дипломатом – надо было лавировать, чтобы ускользнуть от реальности, не навредив себе и своей семье. Задача не из простых.

Продолжая «бег с препятствиями по пересеченной местности», Кранцев не переставал задаваться детскими вопросами. Например: надо ли сваливать сейчас? С последующим вечным ответом: «Настоящей свободы все равно не будет между жерновами той или другой спецслужбы». Его поняти-

ем свободы была прежде всего возможность пойти, купить и без оглядки прочесть журнал «Экспресс» или газету «Фигаро», с их измышлениями против Страны Советов. И потом затеряться в многотысячной толпе граждан, даже не помышляющих ни о каких спецслужбах. Лениво присесть за столик уличного кафе где-нибудь в квартале Сен-Жермен, Данфер-Рошро или на одной из живописных парижских улиц, недостижимых для сотен отказников и диссидентов, даже для академика Сахарова, запертого в Горьком в состоянии армрестлинга (неужели нет русского термина?) с тоталитарным Домовым, правда, уже слабеющим. А он, чертов Артемка Кранцев, в Париже совершенно свободен усмехнуться, слышав очередную нудную речь очередного гениального секретаря КПСС, конечно, желательно за стенами Бункера и не на глазах у парторга, но в присутствии своего товарища по работе Бори Егорова, не опасаясь, что тот стукнет, да и куда сейчас стучать-то.

Борису было вообще наплевать на политические условности. Париж был ему сужден и дарен по должности его папы – советника секретря ЦК КПСС по внешним связям. Ему даже не надо было изображать из себя верного ленинца, потому что с детства он привык жить при капитализме, в роскошной шестикомнатной квартире элитного дома на Кутузовском проспекте, если капитализмом можно было назвать привилегии высоких членов партийной номенклатуры с их продуктовыми пайками, дачами и спецбольницами. Ку-

тузовский помимо своей ширины и красоты строений был удобен еще и тем, что кратчайшим путем, через Рублевское шоссе, связывал закрытые дачные поселки Барвиху, Усово или Успенское с рабочими помещениями партии в Кремле или на Старой площади. При полном отсутствии рисовки и выпендрежа Борис питал все же слабость к разным маленьким изящным штучкам вроде передовых зажигалок, замысловатых брелков для ключей, дорогих запонок, фирменных галстуков и ценных авторучек. Мальчик прилежно учился в школе, потом в МГИМО и вырос законченным жеманфутистом (от французского «плевать на все») и гедонистом. Его любимым спортом в Париже стало посещение ранним утром в субботу загородного оптового продовольственного рынка Ранжис, бывшего Чрева Парижа, чтобы выбрать свежую, вкусную еду и насладиться зрелищем тонн привлекательной снеди, разбираемой с пяти утра владельцами ресторанчиков и простыми французами. К черной икре Боря был совершенно равнодушен – объелся в детстве, предпочитал устрицы и улитки, запивая их марочным бургундским. Водку пил по мере наличия повода и количества, а выпив, не стремился затянуть «Калинку» или «Рябинушку». Просто замолкал и добродушно усмехался. Добряк.

В здании на бульваре Ланн вообще водки выпивалось немеренно, больше, чем в любом другом месте в Париже или даже во всей Франции. При этом не отвергались и не дис-

криминировались разные там виски, кальвадосы, анисовый пастис, ликеры куантро или гран марнье, портвешок, красное и белое сухое вино. Пили все это в одиночку, тайно или все вместе на общих праздниках, иногда смешивая противоречивые напитки, что выходило кому-нибудь боком. Например, школьный физрук после пьянки приставал к жене завхоза и был бит или же кого-то поважнее, пьяного вдрабадан, задерживала за рулем французская дорожная полиция. Потом все сходились и разбирались в кабинете парторга Тютикова, и в обоих случаях разборка заканчивалась либо неминуемой отсылкой на родину, либо строгим предупреждением. Иногда, возвращаясь вечером в свои скромные апартаменты, Кранцев краем глаза видел, как в общем коридоре в тиши ночи и в полной темноте водитель Гриша лупит свою чем-то провинившуюся жену Нюру, и та молча сносит удары, лишь бы не услышал Тютиков. Никакого шума! Жена тоже понимала: синяки быстро пройдут, а в Москве ни магазина «Tati», ни «PrisUnic» с их обилием доступного и нужного людям товара. Неясно, надо было грустить или веселиться, узнав, что красавица-жена бухгалтера Ревунова, очумев от избытка красивого белья в магазине «СиЭндЭй», пыталась покинуть его с двумя неоплаченными лифчиками под платьем и глупо бежала от охранников по шикарной улице Риволи, слепо надеясь уйти от погони.

К застолью для встречи Нового года в большом зале приемов посольства и в атмосфере зашкаливающей радости демократически собирались сотрудники всех категорий – дипломаты и техсостав. И как только заканчивалось поздравление главы государства по телевизору, буйство глаз, рук и чувств вспыхивало с новой силой, еще до возвращения сладкоголосого диктора на экран. Присутствие посла не смущало никого – ведь это был коллектив равноправных советских граждан на отдыхе. Тут как раз и можно было услышать громкую и более или менее обязательную «Калинку», а после трех-четырех тостов увидеть, как нетерпеливые пары пытаются изобразить «казачок» под песню антисоветчика Сарду, жалующегося Владимиру Ильичу на козни СССР. Техсостав все равно слов не понимал. Но общее предпочтение отдавалось, конечно, зажигательным ритмам Клода Франсуа, которые чередовались с песнями любимцев советского народа Джо Дассена, Мирей Матье, Шарля Азнавура и Саши Дистеля. Радость новогодия быстро достигала самого высокого накала, обуревая, приподнимая и увлекая каждого в соответствии с дозой поглощенного шампанского, водки или их благородной смеси. Количество смеси вело к постепенному преодолению всех социальных и психологических барьеров между гуляющими.

В известной степени этому способствовало и ношение масок. Хотя Кранцева, например, трудно было не узнать, несмотря на нацепленный круглый красный нос, пеструю маску и колпак клоуна – роль, которую он, мимикрируя, пытался теперь играть в повседневной жизни. Его зоркий глаз безошибочно выхватил в толпе чудной и нелепый костюм огромного желтого цыпленка. Но плавные движения прелестного хищника, знакомый аллюр пантеры не оставляли сомнений и заставили его сердце биться сильнее – Вера Таранова, жена его коллеги Андрея. Неспетая песня. Через секунду кончиками пальцев Артем уже ощущал под шелком блузки, чуть выше пояса, гладкую, упругую кожу спины «цыпленка» и не сводил глаз с капельки пота, катившейся по шее в небольшой выемке в костюме. Сквозь прорези для глаз в желтой пушистой голове его почти прижигал острый, пристальный взгляд, похожий на зов в ночи, молчаливый упрек или призывание в чем-то таком, что не могло быть достоянием гласности в сплоченном и высокоморальном советском коллективе, тем более на расстоянии трех шагов от их супругов. Чуткие пальцы Кранцева пытались расшифровывать сигнал Морзе, посылаемый кожей партнерши. Сигнал был еще недостаточно силен, расплывчат, но уже невероятно будоражил воображение, сбивал с мыслей, от которых – а может, просто от неровного ритма танца – у клоуна перехватывало дыхание...

Ему пришлось ждать целых четыре долгих дня, чтобы наконец встретить Веру у проходной посольства. Ее правильное лицо, на этот раз без маски, светилось безукоризненной чувственной красотой, женственностью, смешанными, как показалось Кранцеву, с тоскливым ожиданием. Он понимал, что их слишком явное сближение на виду у дежурных и обитателей жилой части посольства показалось бы неуместным и подозрительным, но порыв сдержать было еще труднее. И он поспешно приблизился, бормоча какие-то невнятные общие слова, краснея и задыхаясь. Но потом все же собрался с духом и сообщил, прерывисто дыша, полушепотом, что неодолимое желание преследует его после танца с «цыпленком» на новогоднем вечере. И сразу же стал прозаично объяснять, что остаться наедине в здании Бункера им просто невозможно, а в отеле – более чем рискованно. В ответ Вера подняла на него свои серые глаза и тихо произнесла: «Ищи, ты мужчина». Надо ли объяснять стимулирующую силу подобного заявления. Ясного, вдохновляющего согласия.

Случай представился уже через пару дней. Андрей, муж Веры, сам попросил Артема отвезти жену в город, к врачу. «Мне надо мчать в аэропорт, встречать делегацию, выручай, старик!» Обычно к французским докторам посольских сопровождал врач посольства, но по стечению обстоятельств он оказался тоже в отлучке. В машине, пересекая квартал Дефанс в направлении парижского пригорода Нантерр, оба не произнесли ни слова, так как слишком нервничали от такой

нежданной и скорой близости друг к другу. Но магия взаимного желания потихоньку начинала действовать. Артем первым коснулся рукой затылка пассажирки, не отрывая глаз от дороги. Та робко, но внятно, сразу же откликнулась, сильно сжав его руку. На светофоре Кранцев повернулся, чтобы встретить слепящий свет кристальных, глубоких глаз Веры, в ту же секунду набухших от нежности крупными слезами. Движение руки остановилось на коленях пассажирки, прикосновение обожгло Кранцеву пальцы, и бедовая его голова окончательно запылала неугасимым огнем. Кончиками наэлектризованных пальцев Кранцев едва притронулся к шелковой коленке, осторожно, как опытные гитаристы касаются струн, рассчитывая вызвать нужный звук. И звук последовал – когда Вера сжала его пальцы коленями, опустила голову, издав благодарный и освобождающий стон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.